

Симон Фуко

Французский
перец

Симон Фуко

Французский перец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802208

SelfPub; 2018

Аннотация

Любовь к мужчине – дар или проклятье? Она не думала, что способна так сильно полюбить человека, который никогда не будет принадлежать ей. Чувства сильнее разума. Для страсти нет преград. Дурман, наваждение, сон. Когда она очнется, будет слишком поздно. Совершенную ошибку уже не исправить. Он никогда не простит ей того, что она сделала. Она украдет самое ценное, что осталось у него в этой жизни.

Содержит нецензурную брань.

Автор: Симон Фуко

E-mail: sfuko@bk.ru

Французский перец

(драма, эротика)

18+

Мы сами создаем для себя тернии и даже не задумываемся, чего нам это будет стоить. А потом только и остается терпеть и уверять себя, что мучаемся не напрасно.

К.Маккалоу «Поющие в терновнике»

Пролог

Я смотрю в его глаза. Пронзительно-голубые. Цвета лазурного моря. Тёплого тропического моря. Мне нравится, как он облизывает верхнюю губу и улыбается, показывая ровные белые зубы. Он красив. Выгоревшая на солнце соломенная чёлка падает на загорелое лицо. Опалённые брови и ресницы. Они почти белые. И только глаза – яркие, свежие, вобравшие в себя всю глубину морской бездны. Две Марианские впадины, лазурные бесконечности под белёсыми, похожими на пшеничные колосья, бровями. Я безнадёжно тону в манящей морской лазури. Я вот-вот захлебнусь в солёных водах южного моря. Я смотрю в морские бездны и не могу оторвать взгляда. Он небрежным движением руки отбрасывает с лица пряди. Я смотрю бесконечно, ловя каждое движение. Я могу смотреть на него часами, целую вечность.

На то, как он улыбается, говорит, дышит. Я дышу вместе с ним. Я дышу в такт. Дышу его дыханием. Дышу и задыхаюсь. От собственных чувств, от желания прикоснуться кончиками пальцев к своей мечте, к огню, грозящему испепелить догта, до серого невесомого пепла. Я хочу прикоснуться к живому воплощению собственной страсти. Лишь прикоснуться. Но знаю, что это невозможно. Мне ничего не светит. Для него я не существую. Меня нет. Я человек-невидимка, человек-тень, человек-никто. Я обычная девочка с невыразительным лицом и лишним весом. Всё просто ужасно. Во мне всё не так. Не так, чтобы он мог заметить мой пылающий взгляд. Не так, чтобы мог разглядеть страстно влюблённую в него женщину. Он улыбается. Бесконечно долго и томно улыбается. Призывно. Многообещающе. Улыбается. Но не мне. Смотрит с лаской. Не на меня. Я бешусь. Я завидую. Я хочу быть на её месте. Я хочу быть такой, как она. Я хочу быть ею. Но я – не она. Я никогда...

Паша и Мила мои одноклассники. Они были бы идеальной парой, если бы я не любила его. Я смотрю, как Паша улыбается Миле, и понимаю, что моим мечтам никогда не суждено сбыться. Но я ничего не могу с собой поделаться. Я не могу приказать себе разлюбить. Это выше моих сил.

Он видит меня только когда ему что-то от меня надо. Ему. От. Меня. Надо. Я не могу ему отказать. Я никогда и ни за что не откажусь от возможности быть рядом. Я готова на всё ради того, чтобы почувствовать его рядом с собой. Пусть так.

Недолго. У меня нет других вариантов. Других вариантов быть рядом с ним просто не существует. Последние три года я живу ради этих мгновений. Ради мимолётного призрачного счастья. Живу ради него. Жила, потому что сегодня последний день. Выпускной. Я вижу его так близко последний раз. Последний раз я смотрю на него, стараясь запечатлеть этот образ. Сохранить навсегда в своей памяти. Смотрю и чувствую стыд, словно ворую. Словно беру то, что мне не принадлежит. Но я продолжаю смотреть, чтобы запомнить. Насытиться, напиться. А потом спрятать. И бережно хранить в своем сердце, как самое драгоценное, ревностно скрывая от любопытных глаз. Я слишком сильно люблю этого мужчину, чтобы делить его с кем-то. Мне больно. Слишком больно от любви. Парадокс – мне невыносимо больно хранить любовь в своём сердце, и я слишком от неё завишу, чтобы раз и навсегда отказаться.

Глава 1. Жильбер. Начало

После выпускного я не могу остаться в родном городе. Физически не могу. Здесь слишком мало места для нас троих – Паши, Милы и меня. Мила беременна. И я точно знаю, кто отец её ребенка. У ребенка Милы будут глаза цвета тропического моря. Я не хочу видеть этого ребёнка. Это слишком больно. Поэтому мне лучше уехать.

Я уезжаю в Москву поступать во ВГИК на режиссёрское отделение. Я сбегаяю из города, где навсегда остаётся мое разбитое сердце. Я уверена, что уже никогда никого не смогу по-

любить. Я однолюб. Я свято верю, что в жизни бывает лишь одно большое чувство. Все остальное – не настоящее. Эрцаз. Жалкое отражение.

Вступительные во ВГИК я с треском проваливаю. Других идей у меня нет. Но возвращаться на щите в родной город не хочу. Можно поступить в любой другой ВУЗ, чтобы устроиться в общежитие, но такой вариант почему-то меня не устраивает. Иду по наиболее сложному пути – нанимаюсь помощником менеджера во франко-русскую торговую компанию. Снимаю у замшелой бабули такую же замшелую комнату достаточно далеко от метро.

Работаю в компании год. Втягиваюсь. Мне начинает нравиться моя работа, хоть и выматываюсь очень сильно. Трачу по полтора часа, чтобы добраться утром до офиса, а вечером – домой. Но меня всё устраивает. Так проще. Проще не думать, не вспоминать. Родителей не навещаю, хотя звоню домой каждый день. Я просто боюсь столкнуться с Пашей и его женой. Я боюсь этой встречи больше всего на свете. Я боюсь увидеть в их глазах счастье. Я все еще люблю *его*.

Личной жизни у меня нет. Её просто не может быть при таком жёстком графике. Помимо будней, нередко соглашаюсь поработать в выходные. Так легче. На работе я не думаю о своей безответной любви. Я всецело отдаюсь работе. Она заменяет мне все. Я живу своей работой.

Вскоре меня замечают и повышают до менеджера. Ничего не меняется, но платят больше. Я довольна. К концу второ-

го года однообразная работа наскучивает. У меня появляется слишком много свободного времени в течение рабочего дня, так как все действия доведены до автоматизма. И меня накрывает. Я начинаю всё больше и больше думать о нём. Я снова слишком много думаю о Паше. Непозволительно много думаю о женатом мужчине. Я ему не нужна. Зачем я ему? Какая глупость, что время лечит. Ха! Оно не лечит. Оно позволяет только смириться. Всего лишь даёт возможность приспособиться к реальности, чтобы можно было жить дальше. Если не жить, то хотя бы существовать. Но не в условиях наличия времени, которое можно тратить по собственному усмотрению. Увы, не в этом случае.

Чтобы изжить тянущую пустоту в своем сердце, я поступаю в РГГУ на юридический. Я усердно изучаю право. Каждую свободную минуту я изучаю право, чтобы не думать. Я изучаю правовые основы других государств, когда все дисциплины, предлагаемые образовательной программой, изучены вдоль и поперёк. Я не могу позволить, чтобы мой мозг пустился в свободное плавание. В такие минуты моё «я» неминуемо разбивается вдребезги о скалы под названием «любовь всей моей жизни». И от этого очень больно. Всё еще больно.

К третьему курсу я лучшая на потоке. Я лучшая среди тех, кто последние пять лет обучался на юрфаке. Я лучшая. Меня замечают. Мне это не нужно. Я абсолютно не амбициозный человек, но меня замечают. И вот я уже пишу науч-

ный труд на тему «Прецедентное право Викторианской эпохи». Экзамены за четвёртый и пятый курс сдаю экстерном. И через три года получаю диплом. Еще через три – у меня учёная степень. Я кандидат юридических наук. В двадцать три года я кандидат юридических наук. Меня уговаривают остаться на кафедре, но я не хочу бросать свою работу. Я старший менеджер. Меня пророчат на место руководителя сектора оптовых продаж. Я лучший сотрудник русского филиала. Мне двадцать три и у меня превосходные перспективы в международной торговой компании.

Я больше не живу в замшелой комнате. Снимаю весьма приличную однушку возле метро. За счёт компании обучаюсь французскому языку. У меня превосходное произношение. Начальство обещает отправить меня на стажировку в Париж. Париж! Брежу Парижем. Меня волнует предстоящая поездка. Париж – город любви. Город, навсегда изменивший мою жизнь.

За все шесть лет у меня не было отношений. Я не оставила себе времени, чтобы думать о личной жизни. Мне не нужна личная жизнь. Я слишком занята, чтобы размениваться по мелочам. К тому же я невзрачная серая мышь, как и раньше. Правда, я сильно похудела за эти годы. Единственное, что напоминает о прежней пампушке – моя грудь. Мне она кажется слишком большой. Я стесняюсь её и стараюсь спрятать под широкими блузками и свитерами.

Я не думаю о том, как выгляжу. Главное, чтобы мой

внешний вид соответствовал корпоративному кодексу. Белый верх, тёмный низ, туфли-лодочки, легкий неброский макияж. Всё сдержанно. Без излишеств. Весь мой гардероб заранее продуман специалистами по корпоративной этике. Другой одежды у меня нет. Она мне ни к чему. Я не хожу на вечеринки с друзьями. У меня нет друзей. В отпуск я не езжу. Он мне не нужен. Зачем? Выходные провожу дома, разгребая скопившиеся за неделю бытовые проблемы. Для чего наряды? Чтобы помыть пол, мне достаточно старых треников и растянутой футболки.

Поездка в Париж. Звучит многообещающе. Представляю «Мулен Руж», Елисейские поля, Лувр, Эйфелеву башню. В воздухе пахнет свежее испеченным багетом и «Шанелью № 5». Обожаю этот запах. Обволакивающий, тягучий, чувственный. Запах роскоши, запах успеха, запах уверенной в себе женщины.

Все готово. Через неделю я буду в Париже. Целый месяц Парижа в моей жизни. В Париж я еду не одна. Со мной еще двое коллег – Миша и Слава. Мне они не нравятся. Не нравится, как они улыбаются при встрече со мной в коридорах офиса. Не нравится, как они смотрят на меня. Не нравятся их голоса. Слишком приторные, слишком слащавые. Масляные улыбки, игривые взгляды. Для меня это слишком. Я против неформальных отношений на работе. К тому же я никому из них не давала повода думать, что со мной может быть

как-то иначе. Только рабочие отношения, только то, что регламентировано корпоративной этикой. Иначе никак. Иначе быть не может. Только не со мной. С кем угодно. Не со мной.

Сегодня в офисе особое оживление. Сегодня в наше представительство приехало высшее руководство – мсье Драка. Мсье Пьер Анри Драка. В сопровождении крупных держателей акций нашего предприятия.

Я хорошо говорю по-французски. И я без пяти минут руководитель сектора оптовых продаж. Похоже, сегодня мне придется отдуваться за все оплошности нашего сектора. Я уже имела удовольствие лично познакомиться с генеральным директором и главным акционером компании мсье Драка. Пьер Драка ровесник моего отца. Вопреки всем моим представлениям о французах, излишне полноват и лысоват. К тому же постоянно вытирает носовым платком выступающий на мощной холке пот. Что в моих глазах не добавляет ему привлекательности. Мсье Драка не вызывает во мне каких-то особых чувств, кроме благоговейного трепета подчинённого перед начальствующим лицом. И, по-моему, это чувство взаимно. Пьер чувствует, как я робею перед ним, и начинает давить. Давит, ломает, заставляет дрожать при одном только взгляде на него, а потом улыбается и спрашивает, как мне нравится работать в компании. Я выдыхаю и расслабленно улыбаюсь, понимая, что на сегодня экзекуция за-

кончена.

Но в этот раз всё иначе. Мсье Драка сидит за овальным столом в обществе трёх мужчин. Никого из них не знаю. Знаю лишь, что это крупные акционеры компании. Чувствую себя, как на экзамене. Мсье Драка прёт буром. Сегодня он готов раскатать меня в лепёшку. Сегодня ему особенно хочется показать свою власть. И у него, надо сказать, получается. Я то краснею, то бледнею под взглядом его маленьких поросячьих глаз. Остальные мсье не сильно заинтересованы в том, что я рассказываю. Двое из них тихо перебрасываются между собой короткими фразами. Третий скользит по мне уничижительным взглядом. От чего у меня начинается дрожь в коленях. Зачем он так смотрит? Слишком явно разглядывает мои ноги от лодыжек до бедер. Без тени зазрения. Хвала корпоративному этикету, мои бедра целомудренно прикрыты тёмно-серой юбкой прямого кроя, мягко подчёркивающей, но не слишком облегающей фигуру. Он изучает меня усталым взглядом глубоко посаженных глаз, похожих на серые жемчужины. По его взгляду невозможно понять, о чём он думает. Мужчина немногим моложе Пьера. Лет сорок-сорок пять. Но выглядит, не в пример Драка, очень подтянуто. Лицо яркое, запоминающееся. Его нельзя назвать безбожным красавцем. Но в нем определённно что-то есть. Что-то, что заставляет мое сердце биться чаще, а ладони потеть.

– Мадемуазель Карин, – вздрагиваю от его низкого, с лег-

кой хрипотцой, голоса. – Так что Вы предлагаете?

Я слегка удивлена. Не думала, что он слушает меня. Мне показалось, что его интересуют только мои лодыжки.

– Мсье... – я вопросительно смотрю на незнакомца. Мы не представлены.

– Пуавр. Жильбер Пуавр. К Вашим услугам, – его губы изгибаются в полуулыбке. По моему телу пробегает электрический разряд. Пуавр кивает.

– Мсье Пуавр, мне очевидно, что нам нужен квалифицированный специалист по работе с крупными оптовиками.

– Я думал, мадмуазель Карин, что Вы вполне квалифицированы для этой работы. Неужели я ошибался? – смотрит пронзительным взглядом. Выражение лица пренебрежительное.

– Мсье Пуавр, я не могу справиться со всем одна. Мне нужен помощник. Организационные вопросы отнимают у меня слишком много времени.

Говорю уверенно, чеканя каждое слово. Меня выводит из себя его высокомерное замечание. Я злюсь. Его брови удивлённо взлетают. Он щурится, глядя мне прямо в глаза.

– Карин, мы подумаем над вашим предложением, – встречается Драка, по-отечески пытаюсь сгладить назревающий конфликт.

Пуавр смотрит мне в глаза непозволительно долго. От его взгляда внутри все сжимается. Нервы натягиваются тетивой. Пуавр вызывает во мне непонятную тревогу.

– Мсье, если к мадемуазель Карин больше нет вопросов, то давайте отпустим её и устроим обеденный перерыв, – голос Пьера выводит из оцепенения. Я снова вздрагиваю. Замечаю, как зрачки Пуавра на доли секунды расширяются. По лицу мелькает едва заметная тень.

Неловко улыбаюсь. Желая господам приятного аппетита и выхожу из кабинета. Сердце клокочет в горле. Иду к кулеру и наливаю воды. Пью с жадностью большими глотками. Я слишком переволновалась.

– Ну как все прошло? – слышу за спиной голос Миши. Того самого, с которым мне предстоит вскоре ехать в Париж.

Поворачиваюсь и натянуто улыбаюсь. Мне не хочется с ним разговаривать. В эту минуту мне хочется, чтобы меня оставили в покое. Я перенервничала. Мне надо унять дрожь в коленях и бешенную пульсацию в груди.

– Всё хорошо, – кидаю я Мише и тут же направляюсь в дальний конец коридора – туда, где расположены переговорные. Мне надо побыть одной хоть пару минут. Пару чёртовых минут.

Захожу в кабинет и закрываю за собой дверь. Здесь нет окон, поэтому очень темно. Свет не включаю. Сажу в темноте, пытаюсь привести себя в состояние душевного равновесия. Закрываю глаза и вспоминаю Пашу. Я снова думаю о нём. Почему я до сих пор думаю о нём? Не сопротивляюсь течению подсознательных образов. Так легче привести мысли в порядок. Думаю о том, каким он стал. Мама говорила,

что Паша открыл свой автосервис. Мила родила второго ребёнка. Ребёнка с глазами цвета тропического моря. По щекам текут слёзы. Наверное, это результат нервного напряжения. А всё мсье Пуавр со своим дурацким высокомерным замечанием! Чувствую неприязнь к этому человеку. В нём есть нечто, что меня сильно раздражает. Злюсь на Пуавра.

Дверь в переговорную внезапно открывается. На пороге Пуавр. Держит в руках телефон. Стоило только вспомнить! Включает свет.

Смотрю на него недовольным взглядом. Пуавр уткнулся в телефон. Меня, кажется, не замечает. Куда мне! Судя по всему, я для него пустое место! Водит по тачпаду пальцем. Что-то читает.

– Мадемуазель Карин, – не отрываясь от экрана, – принесите мне кофе. Эспрессо. Без сахара. Спасибо.

Он мне не нравится всё больше и больше. Высокомерный, заносчивый индюк!

– Да, мсье Пуавр, – послушно встаю с места и плетусь по коридору за кофе. Я начинаю закипать. Начинаю ненавидеть Пуавра.

Возле кофемашины опять сталкиваюсь с Мишей. Он что, преследует меня? Внутри поднимается буря.

– Чего такая кислая? – шутник! Злобно сверкаю в его сторону глазами.

– Может, тебе поработать для разнообразия? – огрызаюсь в ответ.

– Пфе, – фыркает Миша, небрежно окатывая меня взглядом. Берёт чашку и удаляется.

Остаюсь в гордом одиночестве готовить кофе Пуавру. Меня бесит, что приходится выполнять секретарские обязанности. Я высококвалифицированный специалист, а не девочка на побегушках! Жду, когда струя заполнит чашку. Ставлю на блюдце и несу в переговорную.

Пуавр по-прежнему весь в своем смартфоне.

– Поставьте на стол, – командует Пуавр, не достаивая меня взглядом. – Спасибо, Карин. Можете идти.

Будто я его личный секретарь. Хочется с размаху хлопнуть дверью. Но я этого не делаю. Выхожу из кабинета и иду на свое рабочее место. Оставшуюся часть дня чувствую себя униженной. Я вне себя. Злюсь на Пуавра. Мне не нравится, что он со мной так обращается. Стараюсь отвлечься. Думаю о предстоящей поездке. О Пуавре стоит забыть. Вряд ли я увижу его в ближайшие пять лет. Крупные акционеры не часто достаивают чести своим посещением наше подразделение.

Вещей у меня мало. Всё умещается в небольшой дорожной сумке. Волнуюсь. Я никогда не была за границей. Как все пройдет? Стажировка продлится месяц. Что я буду делать в Париже после занятий? Мысль о том, чтобы проводить свободное время в обществе коллег, претит мне. У меня

есть весьма невнятный план посещения достопримечательностей. Получится ли реализовать его?

В аэропорт еду заранее. Не люблю опаздывать. Сумку в багаж не сдаю, поэтому быстро оказываюсь в зоне таможенного досмотра. Удивляюсь тому, сколько людей летит за границу. Прохожу паспортный контроль. Щелчок. И в моем паспорте красуется отметка о выезде за пределы Российской Федерации. До посадки ещё целый час. Бесцельно шатаюсь по магазинам дьюти-фри. Мне ничего не нужно. Но так интересно наблюдать за разноликой, разноголосой публикой, разглядывающей алкоголь и парфюм. Минут через пятнадцать от какофонии ароматов начинает болеть голова. Решаю пойти поискать выход на посадку, указанный в талоне.

Люди в ожидании рейса сидят в креслах. Пьют кофе и что покрепче в круглосуточных кафе. Прохожу мимо, вскользь разглядывая посетителей. Моих коллег не видно.

– Мадемуазель Карин! – слышу за спиной знакомый голос. Оборачиваюсь. Пуавр! Кто же еще. Вот кого мне меньше всего хотелось бы увидеть.

– Добрый вечер, – натянуто улыбаюсь.

– Добрый вечер, – опять попросит принести ему кофе? – Что Вы здесь делаете?

Заинтересовано вскидывает брови.

– А Вы? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Возвращаюсь в Париж, – небрежно пожимает плечами.

Ну разумеется! Какой глупый вопрос с моей стороны! Я сму-

щаюсь и снова чувствую раздражение. Каждый раз Пуавр заставляет почувствовать себя полной дурой.

– А Вы? – настойчивый, гад!

– Лечу на стажировку.

Пуавр понимающе кивает.

– Ах, ну да! Стажировка. Значит, мы с Вами попутчики, – ухмыляется.

– Похоже на то, – продолжаю быть приветливой я. Но мне хочется поскорее отделаться от общества мсье Пуавра.

– Присядете? – в его голосе звучит не столько вопрос, сколько приказ.

– Да, – опускаюсь в кресло напротив.

– Чего-нибудь выпьете? – его глаза пристально смотрят на меня.

– Да, пожалуй, – кажется мне представился случай отомстить за кофе. – Воды. Без газа.

Смотрю на него томным выжидающим взглядом. Улыбаюсь. Неужели мсье сподобится принести мне воды?

Пуавр легко поднимается с места и направляется к стойке. Внутри всё ликует. Я продолжаю победоносно улыбаться, наблюдая за тем, как Пуавр покупает бутылочку «Перье».

Возвращается. Протягивает мне воду и откидывается на спинку кресла. Внимательно разглядывает меня. По лицу блуждает загадочная улыбка.

– Вы так молоды, а уже многого добились, – произносит он, глядя серыми жемчужинами мне в глаза. Я не выдержи-

ваю его взгляда и опускаю веки.

– Скажите, сколько Вам? Двадцать пять?

– Двадцать три, – от негодования перехватывает дыхание.

Какая бестактность!

– Мой бог! – усмехается Пуавр. – Вы немного старше моего сына.

Вздыхает. Покачивает головой. Что он хочет этим сказать?

– Вы много работаете, – отпивает из чашки. – Наверное, Ваш молодой человек от этого не в восторге.

Ну, это уже слишком! Какая ему разница?

Молчу, стараясь успокоить дыхание. Последней репликой Пуавр снова вывел меня из себя.

– Так что там с Вашим парнем? – не унимается Пуавр.

Мне кажется, или он ко мне действительно клеится? Усмехаюсь про себя. Не слишком ли он стар для заигрываний с молодыми сотрудницами? Ну что же, мсье Пуавр, хотите поиграть?

– У меня никого нет, – кокетливо смотрю на него. И что дальше?

– О! Отчего же у столь очаровательной особы нет мужчины? Вы лесбиянка, мадемуазель Карин?

Вспыхиваю, как спичка. Что он себе позволяет?

– А Вы? Как на счет Вас? Слышала, у Вас сын. Вы женаты, мсье Пуавр? – иду в атаку. Кажется, я только что перешла допустимые рамки, наплевав на корпоративный кодекс.

– Вы забавная, мадемуазель Карин, – Жильбер смеётся и одним глотком допивает остывший кофе. – Да, я женат. Так значит, Вы не лесбиянка, – резюмирует Пуавр.

– С чего Вы взяли? Ведь я не ответила на ваш вопрос.

Пуавр щурится. В уголках пытливых глаз собираются лужицы морщин.

По громкоговорителю объявляют посадку.

– Кажется, нам пора, – Пуавр встаёт с места. Я беру сумку и перебрасываю ремень через плечо.

– Позвоните мне как-нибудь, когда будете в Париже, – Пуавр протягивает визитку. – Мне хотелось бы продолжить наш разговор.

Беру визитку и прячу в передний карман сумки. Делаю это скорее из вежливости. Я не собираюсь звонить Пуавру. У меня пунктик – я не встречаюсь с женатыми мужчинами. Пусть даже такие встречи не сулят ничего, кроме невинного флирта.

Глава 2. Жильбер. Непристойное предложение

Весь полёт думаю, почему Жильбер летит обычным рейсом? Почему он не воспользовался самолетом компании, на котором обычно путешествует Драка? И где его коллеги? Почему Пуавр сидел в кафе, а не в зале ожидания для пассажиров бизнес-класса? Для меня крупный акционер крупной компании всегда ассоциировался с достатком и роскошью. Бизнес-класс подходит для нанятого управляющего, но ни-

как не для крупного акционера. Не слишком ли я много думаю о Пуавре? Его визитка лежит у меня в сумке. Зачем я её взяла? Я взяла её лишь для того, чтобы не показаться невежливой. Ха! Невежливой. После всего, что я ему наговорила. От этих мыслей начинаю ёрзать в кресле. Чувствую себя неуютно. Первое, что я сделаю, ступив на французскую землю – выброшу его визитку. Почему я хочу её выбросить? И почему меня так волнует маленький кусок картона, лежащий в переднем кармане моей сумки? Ведь я же не собираюсь звонить мсье Пуавру? Или собираюсь? Чёрт! Я совсем запуталась. Меня ужасно нервирует эта ситуация.

До конца полета сижу как на иголках. Неужели потому, что мсье Пуавр и я летим в одном самолете? Неужели поэтому? Мои коллеги рядом. Задают мне какие-то вопросы. Слушаю вполуха. Рассеяно улыбаюсь. Наверное, в их глазах я выгляжу полной идиоткой. Я не стараюсь вникнуть в суть разговора. Мне достаточно того, что в эту минуту я не одна. Миша и Слава рядом. Странно, но это меня успокаивает. Я впервые еду в Париж, я впервые лечу на самолете. Для меня многое сегодня впервые. Не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Париж встречает прохладной дождливой погодой. Я стараюсь разглядеть Пуавра в толпе прибывших из Москвы, но не вижу. Скорее всего, его встречали у трапа. Одёргиваю се-

бя. Я опять думаю о Пуавре. Мы с Мишей и Славой получаем багаж и едем до Ля-Дефанса, где находится головной офис компании. Нас селят в небольшой гостинице неподалёку от кладбища Нёйи. Район очень современный, совершенно не похожий на то, что я себе представляла. Ля-Дефанс – город из стекла и бетона со сложными многоуровневыми дорожными развязками и туннелями. Растительности мало. Та, что есть, имеет какие-то причудливые формы произрастания – маленькие убогие оазисы у подножия остроугольных зеркальных громадин. Пейзаж футуристический, не имеющий ничего общего с картинками из интернета, рекламирующими Париж. Но, в конце концов, я приехала не на экскурсию, а на стажировку. Чего я хотела?

Обучение проходит на шестидесятом этаже протыкающего небесную синь сверкающего на солнце монстра, построенного в стиле хайтек. Первые дни с непривычки сильно устаю. После тренингов сил хватает только на то, чтобы добрести до гостиницы и упасть на кровать. Миша и Слава осваивают близлежащие бары. Соблазняют меня пойти с ними, но я не в восторге от этой идеи. Тем более, что вдалеке от родины Миша делает мне вполне недвусмысленные намёки. И каждый раз, когда я отказываюсь составить им компанию, заметно огорчается. Я не хочу обидеть Мишу, но если так будет продолжаться и дальше, то я буду вынуждена отказаться от своего дружелюбного тона в общении с ним.

В выходные и по вечерам мы предоставлены сами се-

бе. Спустя неделю после приезда я всё свободное время провожу в центре. Знакомлюсь с достопримечательностями. Центр мне нравится намного больше Дефанса. Денег у меня с собой не много. Рестораны в сердце Парижа мне не по карману, да и кафе, если честно, тоже. Питаюсь в основном крепами, кофе и водой. Благо киосков, где продается выпечка, предостаточно. Изредка на моем пути попадаются продуктовые магазинчики. И тогда у меня праздник. Я покупаю багет, пару кусочков пармезана или байонской ветчины. Я много хожу, наверное, поэтому ещё не поправилась от всех этих приторно-сладких вафель, блинов и багетов. К ночи ноги гудят так, что я плохо засыпаю, ворочаясь в постели. Мне нравится Париж. Но отчего-то я чувствую себя здесь очень одинокой.

Визитка Пуавра по-прежнему лежит в моей сумке. Вчера я достала ее и долго вертела в руках. Я же не могу вот так сама позвонить мужчине. Тем более женатому. Да и вообще, зачем мне это нужно? Хочу выбросить визитку, но не выбрасываю, а кладу обратно. Я определённо сошла с ума, если до сих пор храню ее вместо того, чтобы выбросить.

С каждым днем чёртков кусок картона начинает беспокоить меня все больше и больше. Я уже не могу сосредоточиться на тренинге, думая о том, что вечером вернусь в гостиницу, где в переднем кармане сумки лежит *она*. Если я не могу с ней расстаться, и эта бумажка меня так беспокоит, то надо

как-то разрешить сложившуюся ситуацию. Наверное, стоит позвонить Пуавру. Что может случиться, если я просто позвоню и поболтаю с ним? Может, он и вовсе не захочет со мной разговаривать. Наверняка, Пуавр уже забыл о моем существовании. Вот чёрт! Кусаю губы, сидя в кресле небольшого кабинета тренинг-центра. Интерактивный экран мелькает разноцветными графиками и текстами. Я тупо смотрю на смену образов перед собой, обдумывая то, что скажу Пуавру.

В гостиницу иду полная решимости. По дороге захватываю в небольшом магазинчике багет, сыр и бутылку вина. Надо же когда-то попробовать настоящее французское вино. Пить в компании коллег я не собираюсь, а делать это в полном одиночестве и без повода – пахнет алкоголизмом. Захожу в номер, открываю бутылку штопором, найденным в верхнем ящике стола. Наливаю вино в стакан и выпиваю залпом. Отламываю багет и нервно жую, тяжело дыша от напряжения. Нет, я не смогу ему позвонить, даже если выпью всю бутылку. Через пять минут алкоголь ударяет в голову. Чувствую, как всё вокруг становится мягким и теплым. Комната плывёт перед глазами. Достая визитку и набираю номер. Слышу длинные гудки. У меня еще есть время нажать отбой.

– Алло, – голос с приятной хрипотцой выводит из гипнотического состояния. В горле вмиг пересыхает.

– Это Карин, – хриплю от волнения в трубку.

– Я ждал Вашего звонка. Почему Вы не позвонили мне сразу? Решили выдержать паузу? – Вот гад! Он что, не может нормально поговорить со мной? Обязательно надо подколоть!

– Нет. Вообще-то я не хотела Вам звонить.

Слышу его смех на том конце линии.

– И что же Вас заставило всё-таки это сделать?

Злюсь на себя, за то, что позвонила ему. Если сейчас брошу трубку, то опять буду выглядеть полной идиоткой.

– Просто... было нечем заняться и-и-и... м-м-м... – машу в воздухе рукой, пытаюсь найти себе оправдание. Почему я должна оправдывать себя?! Это он мне вручил свою визитку и сказал, что хотел бы продолжить наш разговор.

– Понято, – обрывает моё мычание Жильбер. – Хотите поужинать со мной?

От неожиданности промахиваюсь рукой, желая опереться на спинку стула, и чуть ли не падаю. Стул с грохотом валится на пол. В трубке снова слышен смех.

– Карин, с Вами все в порядке?

– Да, да! Все хорошо! – заливаюсь краской. Боже, какая дура! Неуклюжая, нелепая дура!

– Я заеду за вами. Скажем, через два часа.

– Хорошо, – лепечу я в ответ.

– И, Карин! Очень прошу Вас, до моего приезда не убеитеесь! – хохочет. Нажимаю отбой и закрываю лицо ладонями. Мне ужасно стыдно, что я позвонила ему. Стыдно, что про-

мазала рукой мимо стула. Стыдно, что я краснею при мысли о том, что кажусь смешной. Через минуту до затуманенного совињон-блан сознания начинает доходить – мсье Пуавр через два часа будет тут. У меня всего два часа, чтобы протрезветь и освежить свой изрядно потрепанный за день вид.

Что я надену? Начинаю мысленно перебирать свой скудный гардероб, привезённый из России. Понимаю, что у меня ничего нет, кроме двух офисных юбок, похожих друг на друга, как братья-близнецы, и стопки белых, таких же одинаково безликих блузок. Меня беспокоит мой гардероб. Почему мне вдруг так не безразлично, как я буду выглядеть? Ведь это всего лишь ужин в компании одного из акционеров. Ужин. Не свидание.

Уговариваю себя успокоиться. Сейчас я приму ванну. Достану чистое бельё и открою упаковку новых чулок. Для почти делового ужина этого достаточно. Офисная одежда вполне подойдет.

Наполняю ванну и ложусь в горячую воду. Чувствую, как расслабляются напряжённые мышцы. Наваливается приятная истома.

Просыпаюсь оттого, что локоть соскальзывает в едва тёплую воду. Барахтаюсь в ванне, пытаюсь выбраться. Так недолго и захлебнуться! Сколько я проспала? Выскакиваю из ванной, закутанная в полотенце. Смотрю на часы. Чёрт! В моем распоряжении всего полчаса. Сушу волосы, параллельно пытаюсь натянуть на себя бельё и чулки. Из рук всё валит-

ся. Я катастрофически не успеваю. Быстро крашу ресницы, прорисовываю карандашом брови. Блузка. Юбка. Не застегивается. Замок заклинило. Звонит телефон.

Прикладываю телефон к уху. Держу плечом, чтобы не упал. Продолжаю бороться с молнией на юбке.

– Алло, – сдуваю пряди волос, упавшие на глаза.

– Карин, я жду вас внизу, – голос Жильбера. В груди начинает бешено пульсировать.

– Спускаюсь, – пыхчу я в трубку, пытаюсь совладать с непокорным замком. Ну наконец-то! Резкое движение, и собачка надёжно сцепляет пластиковые крючки.

Контрольный взгляд в зеркало. Пошла! Выдыхаю и выхожу за дверь.

Пуавр ждет возле стойки лобби-бара. Синие джинсы, белая рубашка с расстёгнутым воротом, мягкий серый пиджак в стиле кэжуал. Волосы зачёсаны назад. Во всём облике сквозит роскошная небрежность. Сердце подпрыгивает и пропускает удар.

Иду ему навстречу.

– Вы превосходно выглядите, – улыбается Пуавр улыбкой Чеширского кота.

– Спасибо.

Идём через холл на улицу, где припаркован серый, сверкающий хромом, кабриолет. От предвкушения поездки захватывает дух.

Едем в небольшой уютный ресторан, расположенный в центре Парижа напротив старинного особняка.

– Как вам город? – небрежно интересуется Жильбер, пока ждем заказ.

– Он не может не нравиться.

– Согласен, – кивает, обводя скучающим взглядом обстановку зала.

Смотрю на него, не зная чего ожидать. Я до сих пор не понимаю, зачем я напросилась на эту встречу. Кажется, Пуавр не особо жаждал пообщаться со мной. Делаю такой вывод, глядя на его скучное лицо. Мне становится неудобно. Как у него так получается? В его обществе я опять чувствую себя самым дурацким образом. Наверное, мне стоит уйти. Ёрзаю на стуле, пытаюсь выбрать подходящий момент. Не успеваю. К нашему столику подходит официант, неся на подносе бутылку брюта и два бокала. Пока он разливает вино, напряжённо кусаю губы.

– Мне кажется, Вы напряжены, – томно моргает Пуавр, глядя на меня. – Расслабьтесь. Давайте выпьем за нашу встречу.

Чокаемся. Жадными глотками пью игристое. Чувствую, как алкоголь теплом растекается по моему телу.

– Так на чём мы с Вами остановились? – щурится Жильбер. – Ах, да. Вы так и не ответили на мой вопрос. Так почему у Вас нет мужчины?

Внутри становится горячо – не то от вина, не то от волне-

ния. Дышу тяжело, глядя на него исподлобья. Разглядываю его губы. Внизу живота сладко сжимается.

– Карин, – упирается локтями в стол, приближаясь ко мне. Кожей чувствую его тепло. От терпкого запаха парфюма кружится голова. Ужасно хочется, чтобы он прикоснулся ко мне. Хочу почувствовать тепло его рук на своем теле. Кровь приливает к щекам и ушам. По его лицу ползёт довольная улыбка. – Почему у вас нет мужчины?

– У меня не хватает времени на отношения. – Дура! Дура! Дура! Какая же дура! Не могу же я сказать ему, что я синий чулок, серая мышь. Что никто из молодых людей на меня не смотрит, а заводить отношения на работе я не могу – это святое. Заводить отношения на работе это гадко, низко, мерзко. Люди приходят в офис не для этого. Кроме всего прочего, такие отношения сильно мешают общему делу.

– О! Мадемуазель Карин, а Вы не так просты, как кажется. А какие мужчины Вам нравятся? Что нужно, чтобы вам понравиться? – подливает вина в мой бокал.

Он что, это серьезно? Невинный флирт, на который я рассчитывала, похоже, переходит в стадию откровенного соблазнения.

– Я не понимаю, к чему Вы клоните, мсье Пуавр?

Вскидывает бровь. Смотрит на меня продолжительным взглядом.

– Я нахожу Вас очень привлекательной, мадемуазель Карин, – тоненькая ниточка обрывается, и сердце падает ку-

да-то в желудок. Вся подбираюсь, чувствуя, как напрягаются мышцы тела.

– Скажу больше, – Пуавр придвигается непозволительно близко, изучая рисунок моей ушной раковины, – я Вас хочу.

Резко вдыхаю и не могу выдохнуть. Что? Я не ослышалась? Чувствую, как горячая волна заполняет меня изнутри. На мгновение представляю его на себе. Чёрт! Все-таки надо было уйти.

– Карин, – накрывает мою руку своей. По телу прокатывается электрический разряд, приподнимая каждый волосок на моей коже. – Карин, – шепчет мне в ухо на французский манер. Еще немного, и его губы коснутся моей мочки. Сжимаю колени. Внутри все кипит, пульсирует, заполняя желанием каждую клеточку. Смесь страха и вожделения накрывает меня с головой.

– Фуа-гра по-гасконски, – вздрагиваю от голоса официанта.

Жильбер резко отстраняется. Напряжение спадает, но не проходит. Мои пальцы дрожат. Пытаясь совладать с собой, беру со стола вилку.

– Попробуйте. Это очень вкусно, – Пуавр откидывается на спинку стула и самодовольно улыбается. В эту минуту я не могу думать о еде. Я просто не смогу проглотить ни кусочка. Отщипываю чуть от паштета и кладу на язык.

– Да, очень вкусно, – натянута улыбаюсь.

– Расслабьтесь, Карин. Вы слишком напряжены.

В его глазах пляшут бесенята. Я не могу расслабиться, потому что не могу забыть того, что он мне только что сказал.

– А Вы... Ваша жена... – пытаюсь сбавить градус нашей встречи.

Он тут же мрачнеет, улыбка сползает с его самодовольного лица.

– Я не хочу об этом говорить.

Вот значит как! О моих мужчинах мы можем говорить, а разговоры о его жене – табу. Запретная тема.

– А Ваш сын. Сколько ему? – продолжаю я, довольная реакцией на предыдущую реплику. Запихиваю в рот хорошую порцию гусяного паштета и запиваю вином.

– Эммануэль, – Пуавр улыбается. Похоже, разговор о сыне ему по душе. – Ему восемнадцать. Учится на юриста. В Сорбонне.

– О, значит, коллега, – жую паштет. Пуавр удивлённо вскидывает брови. – Я закончила юридический факультет. В России, – поясняю я. – У меня даже есть учёная степень.

– Вы удивляете меня все больше и больше. Мои восхищения.

– Скажите, – смелею я после очередного глотка брюта. – Зачем Вам всё это?

– Что? – Жильбер моргает, не понимая моего вопроса.

– Ну вот это, – делаю многозначительный жест рукой. – Зачем Вы пригласили меня на ужин? Заставляете краснеть, говоря, что я... я... – запинаюсь. Я не могу произ-

нести того, что хочу, вслух. Я еще не настолько пьяная.

– А, – Жильбер ухмыляется, скидывая на меня прищуренный взгляд. – Понял, о чём Вы. Вы мне действительно очень понравились.

Прикладывает указательный палец ко рту.

– Можно я буду с Вами до конца откровенным? Я не ищу отношений на стороне, – теперь пришел мой черёд удивляться. – От Вас мне нужен только секс. Понимаете, просто секс. Без всяких обязательств и взаимных упреков. Лёгкое, ни к чему не обязывающее, маленькое эротическое приключение.

От возмущения давлюсь фуа-гра. Закашливаюсь. И делаю большой глоток вина. Такой наглости я не ожидала. Я знала, что французы достаточно раскрепощенный народ. Но чтобы настолько!

– Нет, нет! Вы не подумайте. Я ни к чему Вас не принуждаю. Просто если я Вам интересен, что для меня вполне очевидно, – ах, вот даже как! – то почему бы нам не провести какое-то время вместе, чтобы доставить друг другу удовольствие.

На этом месте, как правильно воспитанная, высоко ценящая себя девушка, я должна ужасно оскорбиться и уйти. Но я этого не делаю. Я слушаю Пуавра, как замороженная. Наверное, я сейчас раскачиваюсь из стороны в сторону, будто кобра под дудку заклинателя змей. Смотрю в его серые жемчужины-глаза и не могу оторвать взгляда.

– Если Вы не захотите, то ничего не будет. Карин? – он

вглядывается в моё лицо. Похоже, моё оцепенение встревожило его. – С Вами все в порядке?

– Да, со мной все хорошо, – тяжело дышу, отходя от шока. – Вы и я в одной койке... Да... Я Вас слушаю... Продолжайте...

– Карин, я бы никогда не предложил Вам этого, если бы не чувствовал, что мы с Вами одного поля ягода. Для Вас, так же как и для меня, отношения не важны. Мы оба слишком заняты. Я уверен, что у Вас, так же как и у меня, полно других интересов. А секс... Секс – обычная потребность организма... Почему, если нас тянет друг к другу, то мы должны ходить кругами, выдумывая каждый раз нелепые поводы для нелепых встреч. Ведь так, Карин?

Мне надо переварить всё это! Я не могу вот так сразу ему ответить. Хватаюсь за бокал, как за последнюю надежду. Жильбер заботливо подливает мне вина. Пью залпом, долго. Стараясь хоть что-то понять. Зачем мне это? Ему – да. Я понимаю. Но мне? Нужно ли это мне? Допиваю всё до последней капли и ставлю бокал на стол.

– Я могу подумать? – смотрю на него безумными глазами. О чём тут думать? Бежать! Бежать от этого извращенца! Урод! Скотина! Предложить мне такое! Такое! «Карина, чёрт тебя дери! О чём ты собралась думать? Ты в своем уме? У тебя же никогда ещё не было секса. Тебе двадцать три, и у тебя не было секса!» А ведь действительно, в двадцать три года у меня ещё никогда не было мужчины. Я так

и состарюсь. Заведу себе котика. И умру, никогда не узнав, что это такое. Мое сердце навсегда принадлежит мужчине, которому я не нужна. Ему не нужно моё тело. Ему не нужно всё это. Так зачем я буду хранить свою девственность? Для чего? Для кого? Пуавр – взрослый, вполне состоявшийся самец. Он наверняка знает о сексе всё. Если хорошенько подумать, то вполне себе неплохой вариант для того, чтобы распрощаться со своим девственным положением. Уверена, ему даже понравится, что он первый. Слышала, что мужчинам это льстит. Почему бы и нет? Почему бы и не Пуавр? Он прав, он мне действительно нравится. Так в чём же дело? Стоит согласиться. Но что-то не дает мне сказать это вслух. Я правильная, хорошая девочка. Хорошие девочки так себя не ведут.

– Конечно, подумайте. Только прошу Вас, каково бы ни было ваше решение – сообщите мне. Хорошо? – смотрит на меня с надеждой.

– Я позвоню Вам, как что-то решу.

До гостиницы мы едем молча. Я вглядываюсь в проплывающие мимо пейзажи ночного Парижа. Тёплый ветер треплет мои волосы. Сегодня слишком много всего произошло: я встретила с Пуавром, напилась и получила весьма возмутительное предложение. Есть над чем подумать.

Серебристый кабриолет тормозит возле дверей гостиницы. Выхожу из машины и неуверенной походкой направля-

юсь внутрь.

– Карин, – за спиной хрипловатый голос Жильбера. Оборачиваюсь. – Я буду ждать Вашего звонка.

– Спокойной ночи, – кидаю ему в ответ.

– Спокойной ночи, Карин.

Слышу, как машина выруливает с маленькой гостиничной парковки и срывается с места, стоит ей только выехать на дорогу.

Глава 3. Жильбер. Первое разочарование

Весь следующий день чувствую на себе тяжелый взгляд Миши. Он сверлит меня глазами на тренинге и за обедом. Что ему надо? В очередной пятнадцатиминутный перерыв подходит ко мне в коридоре.

– Ну и как вчера прогулялась? – в голосе слышна фальшь.

– Хорошо. А вы? Опять сидели в баре?

– Где была? – словно не слышит меня. – Расскажешь?

Это что, допрос? В изумлении смотрю на него. Хлопаю глазами. Миша нависает надо мной тучной глыбой. Крылья курносого носа напряжены. Не улыбается. Картина маслом – ревнивый муж.

– Нет, не расскажу, – злобно фыркаю я.

– Что за хмырь? – не сразу понимаю, о ком это он.

– Какое твое дело! – возмущаюсь, когда до меня наконец доходит. Наверное, Миша видел, как Пуавр подвозил меня. Жаль только не разглядел водителя. А то бы не выпытывал

сейчас с пристрастием о моих вчерашних приключениях. На секунду мысленно возвращаюсь к Пуавру и его предложению. Недовольно морщусь, вспоминая свои недавние мысли. Как я могла такое подумать?

Миша по-прежнему нависает надо мной. Шумно дышит в макушку. Он почти на голову выше меня. Мужик-гора. Метр девяносто ростом, центнер весом.

– У тебя всё? – нервно огрызаюсь, с вызовом глядя на Мишу. Губы Миши плотно сжаты, глаза сощурены. Взгляд неприятный, колючий. – Если всё, то я пошла.

Разворачиваюсь и иду в аудиторию. Похоже, каждодневные воздействия окончательно разъели ему мозг. Мы с ним даже не встречаемся. Мы не можем с ним встречаться. Мы коллеги. Чувствую себя участницей театра абсурда: с одной стороны Пуавр с его предложением дружить телами, с другой – Миша, изображающий Отелло. Что вообще происходит?

Миша преследует меня. Не отстает ни на шаг. Крадётся следом в гостиницу после тренингов. Наши комнаты рядом, на одном этаже. В каждом номере свой душ, но туалет один – общий на весь этаж. Стоит мне выйти в коридор, как я неминуемо сталкиваюсь с Мишей. Интересно, ночью он будет спать на коврике под моей дверью?

От предложения Пуавра я всё еще пребываю в состоя-

нии легкого шока. Меня раздражают противоречия. Временами мне кажется вполне логичным принять его, но заложенные в моей голове высокоморальные установки говорят обратное. Что выбрать? Я в растерянности. Вечерами, лёжа в постели, я вспоминаю те слова, что сказал мне Пуавр. Указательный палец, приложенный к его соблазнительным губам. Его тепло. Его запах. Его кисть, накрывающую мою ладонь. Мои руки сами скользят по телу. Касаются груди, бёдер, промежности. Я представляю себя с Жильбером, и от этого внизу живота сладко сжимается. Я закрываю глаза и хочу увидеть его обнажённым. Какой он? Абсолютно голый. В своем воображении я вижу, как он прикрывает от удовольствия глаза, как постанывает низким хрипловатым голосом. Я хочу доставить ему удовольствие. Я хочу почувствовать свою власть над ним. Чтобы он кончил от моих рук, от моих губ, от моих ласк. Я хочу ласкать его. Там. Языком. Губами. Долго. Нежно. Впуская в свой рот. Чувствуя, как напрягаются его бёдра и спина. Как он, не в силах совладать с собой, кончает. Изливается в меня. Стонет. Слышать мускусный запах его пота. Ловить каждую сладостную конвульсию, каждый судорожный вздох, каждый стук сердца, каждую пульсацию крови по его жилам. Я хочу Жильбера. Очень хочу. Невероятно хочу. Всего. Без остатка. До последней капли.

От этих фантазий в голове мутится, а в самом сокровенном месте начинает пульсировать и гореть. Мои труси-

ки намокают моментально, стоит мне подумать о Жильбере. Думаю о нём часто. Даже слишком. Мне кажется, что я начинаю источать специфический запах, от которого у мужчин расширяются зрачки и начинают блестеть глаза. О других физиологических подробностях я стараюсь не вспоминать. Я и так в последнее время пребываю в сверхвозбуждённом состоянии.

Через три дня понимаю: жутко хочу его. Всё, что наговорил мне Жильбер при последней встрече, становится не важным. Хочу его так, что не могу думать ни о чём другом. Господи, я никогда не думала, что могу быть такой. Обоняние и слух обостряются. Меня раздражают резкие звуки и запахи. Я не могу спокойно реагировать на мужчин. Исподтишка разглядываю приглянувшихся самцов. Обтянутые тонкой тканью костюмных брюк бёдра, ягодицы, бугорок, выпирающий в области ширинки. Широкие плечи и грудь под офисными сорочками. Я слышу их запах. Мужской запах. Ни с чем не сравнимый аромат, угадываемый сквозь ноты парфюма. Запах тестостерона, запах спермы.

Меня будто укусил оборотень или вампир – я превратилась в другое, незнакомое мне существо. Я чувствую, как учащается мой пульс, даря невероятные, волшебные ощущения. Я хочу Жильбера. До безумия. Хочу.

Миша постоянно трется рядом. Это только подхлёстывает мою уверенность в том, что я хочу сделать. Миша

действует на меня как внешний раздражитель, заставляя тело кипеть, взрываясь новыми порциями гормонов.

Звоню Пуавру. Внутри всё сжимается в предвкушении ответа.

– Карин! – слышу взволнованный голос Жильбера. Он ждал моего звонка.

– Да, – дышу тяжело, пытаюсь собраться с мыслями. Мне сложно начать разговор.

– Вы согласны? – выдыхает в трубку. Молчу, прикрыв глаза и прислушиваясь к тому, что происходит у меня внутри. – Карин?

Жильбер не понимает, почему я молчу. На мгновение прикладываю телефон к груди. Руки дрожат. Тело бьёт мелкий озноб. Понимаю, что пауза слишком затянулась, и мне нужно что-то сказать. Сглатываю и подношу смартфон к уху.

– Жильбер, – голос хрипит от волнения. – Я согласна...

Внутри всё обрывается. Волна мурашек пробегает по спине и забирается в волосы. Голова кружится, словно после долгого катания на карусели. Что я наделала? Боже! Что теперь обо мне думает мсье Пуавр? Но не он ли предложил мне переспать с ним? Ведь он хочет именно этого. Именно этого

он ждёт от меня. А я? Разве же я не жду того же? Надо быть до конца честной – я тоже хочу его. С самой первой встречи. Его губы. Его глаза. Его руки. Его запах. Чёрт побери, я с самой первой встречи хочу мсье Пуавра. От этой мысли заливаюсь пунцовой краской.

– Тогда. Сегодня. В семь. Я заеду, – голос звучит напряжённо, будоража самые тонкие струны моей чувственности. Ну почему у него такой голос? Один лишь его голос способен возбудить меня так, что внизу живота начинает нестерпимо гореть и плавиться.

Готовлюсь к встрече с особой тщательностью. Сегодня вечером состоится самая важная встреча в моей жизни. Сегодня вечером. Всё произойдет именно сегодня вечером. Меня терзают сомнения по поводу моей невинности. Стоит ли ему об этом сказать, или он догадается сам? А что если не догадается? Я боюсь боли. Я не хочу, чтобы Жильбер причинил мне боль. Вдруг для него это так же важно, как и для меня? Что он скажет, когда узнает? Но как предупредить его? Как это сделать? А главное, когда? В какой момент стоит сказать об этом? Смогу ли вообще признаться Пуавру в своей невинности? Судя по всему, он не подозревает, что я девственница. В двадцать три я ещё девственница. Наверное, я горжусь своей невинностью. Хотя никогда об этом не задумывалась.

Ровно в семь звонит телефон. Пуавр ждёт меня внизу.

Спускаюсь к нему. Сегодня он сосредоточен, выглядит недовольным. Что случилось? Почему у него такое лицо? Слишком озабоченное, слишком серьезное. Садимся в знакомый кабриолет и едем. Я не знаю, куда меня везет Пуавр. Но не спрашиваю его об этом. Боюсь нарушить напряженное молчание, возникшее между нами.

Небольшая гостиница в пригороде, спрятанная от глаз прохожих среди густорастущей зелени. Машина останавливается у самого крыльца. Жильбер грациозным движением буквально выпрыгивает из неё. Резко открывает дверцу и подает мне руку, помогая выбраться из салона. Спешно преодолевает три ступени, ведущие внутрь приземистого трехэтажного здания. Тянет меня за собой, крепко удерживая ладонь в своей руке.

Возле двери нас встречает валиет. Пуавр бросает ему ключи от машины, усаживает меня в кресло и подходит к стойке ресепшн. Сажу в белом кожаном кресле, изучая безразличным взглядом небольшой уютный холл гостиницы, оформленный в бежевые, белые и коричневые тона. Все просто, сдержанно, дорого.

Через пару минут Жильбер идёт ко мне быстрым шагом.

– Пойдёмте, Карин.

Встаю и слеую за ним. Апартаменты на последнем эта-

же. Просторные, несколько комнат – гостиная, спальня, кабинет, ванная с большим окном, занавешенным невесомым белым тюлем.

Стоит нам ступить за порог, как Пуавр набрасывается на меня. Прижимает к стене. Тяжело дышит. Глаза сверкают дьявольским огнём. Сминает, жадно шаря по телу руками. Накрывает мой рот своим. Губы горячие, влажные. С лёгким горьковатым привкусом. Целует взапой, стараясь проникнуть языком как можно глубже. Желание сшибает с ног. Я обмякаю в его объятьях, тая, словно мороженое. Его губы скользят, обжигая прикосновениями шею, ключицы, плечи. Широкие ладони раскрываются кистями и ложатся на мои груди, сжимая и тиская их. Давит и теребит соски, попеременно посасывая то один, то другой. Трётся об меня всем телом. Чувствую бедром его напряжённый член. Мне хочется прикоснуться к нему. Скольжу ладонью вниз. Перехватывает мою руку у самого запястья и засовывает в брюки, под резинку своих боксеров. Касаюсь пальцами бархатистой кожицы. Тихо стонет от удовольствия, обдавая прерывистым дыханием. От этого голову ведет, как от вина.

– Хочу тебя! – с жаром выдыхает в висок, с силой впечатывая в стену. Впивается ртом в мои губы. Грубо задирает мне юбку и одним движением срывает трусы, запуская палец между ног. Подушечкой нажимает на клитор. Все моё тело пронзает насквозь мощный электрический импульс. Мне хочется, чтобы это длилось вечно. Я тону в волнах нахлы-

нувшего невероятно сильного возбуждения.

– Карин, ты такая мокрая.

Его голос звучит откуда-то извне. Вводит в меня палец и начинает двигать. Хочу, чтобы он проник в меня как можно глубже. Я вся теку. Опускается на колени и ласкает меня языком. Мои бедра раскрываются ему навстречу. Мне нравится видеть его у своих ног. Запускаю руки ему в волосы и издаю протяжный стон. Его язык настойчиво, но очень нежно тербит клитор, вылизывает. Он вдыхает меня там, разводя руками ягодицы. Мир начинает пульсировать, сжиматься. Пока не съёживается до состояния крохотной точки. И взрывается тысячами ярких вспышек. Взрывается фейерверками искр. Снопам сверкающих звезд. Огненными хвостами стремительных комет. Заставляя моё тело рассыпаться на части. На миллионы, миллиарды невидимых глазу молекул. Я задыхаюсь от невероятного, неземного, неизвестного мне чувства.

Пуавр поднимается и целует меня в губы, даря солоноватый свежий морской вкус.

– Ты великолепна, – смотрит в мои глаза затуманенными серыми жемчужинами. Целует. Вталкивая язык до самой глотки. Отрывается. Смотрит.

– Пойдём, – тянет меня в спальню. Переступаю через кружевные трусики, болтающиеся у меня на щиколотках, и покорно иду следом.

Заводит в спальню. Раздевает, аккуратно снимая юбку, а потом и блузку. Садится на кровать. Стою перед ним почти голая. В белом бра, из которого торчат мои груди с напряжёнными ярко-розовыми сосками, и туфлях. Оглаживает мои бёдра и смотрит снизу вверх. Кожей чувствую его дыхание. Смотрю на него. Напряжение искрит, плавится, обжигает. Губами касается моего живота и продолжает смотреть. Прикрываю глаза. Его губы изучают изгибы моего тела, давая почувствовать сто тысяч нежных поцелуев сразу.

– Иди ко мне, – укладывается на спину, не отпуская моей руки. Падаю на четвереньки, нависая над ним. Тянется к моему рту. Мне нужно ему сказать. Нужно предупредить. Чтобы не было больно. Чтобы для него это не было неожиданностью.

– Жильбер, – шепчу я. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Выражение его лица меняется. Он пристально глядит мне в глаза. Разглядываю каждую черточку его лица. Его великолепного лица. Тяжелый подбородок. Прямой нос с заострённым кончиком. Жёсткая линия бровей. Две небольшие залысины надо лбом. Чётко очерченный крупный рот.

– Что, Карин? Я слушаю тебя.

Мне хочется доверять Жильберу. Мне хочется рас-

сказать ему всё, а потом отдаться без остатка, до последней капли, до последнего вздоха.

– Жильбер, я... я...

– Не надо, Карин... никаких нежностей... это просто секс...

– Нет... – мотаю головой. – Я должна тебе это сказать... чтобы ты знал... перед тем как...

Смотрит на меня непонимающим взглядом. Попеременно фокусируясь то на одном, то на другом зрачке.

– Я никогда... У меня ещё никогда... Я...

– Что? – резко поднимается, опираясь на локти. Брови сдвинуты к переносице.

Чувствую себя полной дурой. Я опять чувствую себя дурой. Даже в такой момент с ним я чувствую себя дурой.

– Я, – мне неловко. – Ты должен знать... Я...

– Ты что, девственница? – обрывает меня на полуслове.

– Да, – стыдливо опускаю глаза. Почему-то мне очень стыдно за то, что у меня нет опыта.

– Карин, – разочаровано мотает головой. – Чёрт! Карин...

Трёт лоб рукой.

– Почему Вы мне не сказали этого раньше? – Пуавр сконфужен. Садится на край кровати, расчесывая растопыренной пятернёй волосы. – Если бы Вы сказали, то ничего бы не бы-

ло. Почему Вы промолчали?

С упрёком смотрит на меня. Встает, застёгивая пряжку ремня. Подходит к окну. Стоит ко мне спиной, засунув руки в карманы.

– Карин, Вам лучше уйти, – голос холодный, отстранённый, с нотками официоза. – Я вызову Вам такси.

Этот надменный тон. Я не узнаю Жильбера. Передо мной снова заносчивый высокомерный мсье Пуавр, с которым я впервые встретилась в Москве. От его ледяного голоса мне не по себе. Я почти полностью раздета. Сажу на кровати, силясь понять, что же произошло. Почему Жильбер так переменялся, узнав, что я девственница? Мне становится обидно. Испытываю жалость к себе. На глаза наворачиваются слёзы. Тяну на себя покрывало, пытаюсь скрыть свою наготу.

– Почему? – едва слышно шепчу я. Подбородок дрожит. В горле ком. Первые капли срываются с ресниц. Мне ужасно стыдно. Стыдно за свои слёзы, стыдно за то, что я беззащитна и уязвима перед человеком, которого совсем не знаю. Чувствую себя растоптанной и униженной. Я ещё никогда не чувствовала себя такой униженной.

– Я думал, Вы искушённая женщина. А Вы... – Пуавр разочарованно усмехается. Его усмешка шипом впивается в моё сердце. – Всего лишь навсего... Господи, надо же так

ошибиться...

На секунду замолкает.

– Уходите, Карин. Дождётесь машины на ресепшн. Мне надо побыть одному.

– Я не уйду, – меня охватывает отчаяние. Слёзы скользят по моим щекам. Мне становится наплевать, увидит ли их Пуавр. Мне больно, что мной вот так пренебрегли. Поиграли и пренебрегли. – Пока Вы не объяснитесь.

Смотрю ему в спину взглядом полным ненависти. Чем я не угодила? Тем, что у меня нет опыта? Что в этом такого? Почему он так со мной поступает?

Жильбер поворачивается ко мне. Морщится при виде моих слёз.

– Мой бог, только этого не хватало! – недовольно фыркает, отводя глаза от моего заплаканного лица. Его раздражают мои слёзы. – Не заставляйте меня грубить Вам! Просто оденьтесь и уходите! Будем считать, что ничего не было!

Я закрываю глаза. Я не хочу видеть его лица. Его высокомерного, брезгливого лица. Я ненавижу Жильбера Пуавра. Как же я ненавижу его в эту минуту.

– Я никуда не уйду, пока Вы мне не скажете, – цежу сквозь зубы, из последних сил стараясь сдержать плотину, готовую вот-вот сломаться под натиском переполняющих меня эмоций.

– Неопытные женщины мне не интересны, – рубит он. Пуавр раздражён не на шутку. – Не требуйте от меня оправданий! Если у Вас есть хоть немного гордости! Забудьте обо всем! И давайте закончим этот разговор, пока я не наговорил Вам лишнего! Уходите, прошу Вас! Я очень надеюсь на Ваше благоразумие, Карин... Не вынуждайте меня вызывать в номер охрану!

Его слова звучат как пощёчины. Каждая сказанная фраза – хлёсткий удар. Молча собираю с пола вещи. Пытаюсь одеться. Мутная пелена застилает взор. Руки дрожат. Чувствую себя так, будто на меня вылили ведро помоев. Стараюсь не всхлипывать, но слёзы текут ручьями. Меня трясёт. Чувствую себя последней дрянью. Растираю слёзы по лицу тыльной стороной ладони.

Пуавр снова отворачивается к окну. Ждёт, пока я оденусь. Всовываю ноги в туфли и плетусь на выход. В душе саднящая, ноющая пустота. Не помню, как добираюсь до гостиничного холла. Плюхаюсь на диван. Сажу в отрешённом состоянии, уставившись невидящим взглядом в стеклянную стену.

Я разбита, подавлена, унижена. Так меня не унижали ещё ни разу в жизни. Щеки пылают, веки горят. Тело словно набито ватой. Жду, когда за мной приедет такси.

Когда приезжает такси, за окном уже темно. Сажусь в машину. Еду в непонятном направлении, уткнувшись горя-

чим лбом в холодное стекло задней дверцы автомобиля. У меня нет ни мыслей, ни чувств. Меня словно выпотрошили изнутри, не оставив ровным счётом ничего. Мне безразлично, куда и зачем я еду. Я просто еду, наблюдая, как за окном проплывают яркие огни в тёмных объёмах ночи.

Я настолько никчёмная, что меня невозможно ни полюбить, ни просто трахнуть. Мужчинам от меня ничего не нужно – ни моих чувств, ни моего тела. Как женщина, я ничто – пустое место. Серая невзрачная мышь. Синий чулок. Становится безумно жаль себя. Слезы текут непрекращающимся потоком, оставляя влажные дорожки на коже. Зачем всё это? К чему? Он дал мне надежду, заставил поверить в то, что я ему нравлюсь, а потом унизил. Растоптал. Раздавил. За что? Какая же я дура! Дура! Как я могла поверить? Разве же я могла ему понравиться? Разве могла? Пуавр просто посмеялся надо мной. Посмеялся. И вышвырнул за дверь, как ненужную вещь. Как же я ненавижу. Ненавижу его. В эту минуту мне безумно хочется отомстить Жильберу Пуавру. Я хочу, чтобы он страдал. Хочу причинить ему боль. Невыносимую, мучительную боль. Я ненавижу Жильбера Пуавра больше всего на свете. Я хочу причинить ему боль. Много боли. Невероятно много боли.

Глава 4. Миша. Нравственное падение

Подхожу к двери своего номера. Единственное желание – упасть на кровать, зарыться с головой в подушку и как следует прореветься. Чтобы выдавить из себя Жильбера Пуав-

ра. Слезами смыть память об этом мерзавце.

– Ну как вечерок? – опять Миша. Куда ни глянь, везде Миша.

Вожусь с замком. Никак не могу попасть карточкой в щель. Подходит ко мне совсем близко.

– Помочь? – до скрежета зубов сжимаю челюсти. Зажмуриваюсь. Что ему надо? Пусть, в конце концов, оставит меня в покое.

Берет карточку из моих рук. Открывает замок.

– Прошу!

Делаю шаг внутрь, попутно пытаюсь закрыть за собой дверь.

– Ты что, плакала? – держит дверь рукой. Смотрит на меня. – Тебя кто-то обидел?

Его сочувствие вызывает приступ удушливых рыданий. Заходит в номер. Обнимает меня за плечи. Утыкаюсь носом в его грудь и надрывно плачу.

– Ну ты что? Ну не надо. Не плачь, – гладит меня по спине. Шумно дышит. – Не плачь.

Продолжает гладить, сильнее прижимая меня к себе.

– Не надо плакать, – осторожно приподнимает пальцами за подбородок моё лицо. Вытирает слезы. Смотрит на меня. Смотрит продолжительным взглядом. Смотрит в нерешительности. И целует. В губы. Сначала нежно, потом всё настойчивее и настойчивее. Я не отталкиваю его. Поддаюсь большим твердым ладоням. Гладит меня по спине, спуска-

сь ниже. Дыхание частое, прерывистое. Прикрывает глаза. Обнимает. Жадно. Мощно. Истово.

Целует. Не перестаёт целовать, подталкивает меня к кровати. Я позволяю. Мне сейчас необходимо почувствовать себя нужной. Я хочу почувствовать себя желанной. Падаю на кровать. Миша ложится сверху. С жаром ласкает руками мое тело. Задирает юбку. Расстегивает блузку. Целует. Долго. Нежно. С удовольствием. Чувствую слегка хмельной вкус Мишиных губ. Приоткрываю рот, впуская в себя его язык. Мишина рука осторожно подбирается к моей промежности. Гладит меня через трусики. Неуверенно. Словно боится, что я сейчас прогоню его. Наконец запускает палец под резинку. Долго водит в нерешительности внизу живота. Проходит минуты три, прежде чем его пальцы соскальзывают ниже. Глубоко вдыхает, проводя по моей щёлочке и клитору. Неприятно теребит жёсткими подушечками половые губы.

Моя девственность снова начинает беспокоить меня. Вспоминаю лицо Пуавра, когда пыталась рассказать ему об этом. Не хочу повторения с Мишей. Кладу руку на ширинку и начинаю ласкать Мишин член через грубую джинсовую ткань. Миша замирает, закатив от удовольствия глаза. Скидываю его с себя. Переворачиваю на спину. Расстёгиваю молнию. Несколько секунд разглядываю обнажившееся чудо с истекающей прозрачной жидкостью головкой. Осторожно касаюсь ее губами. Миша вздрагивает и испускает протяжный стон. По коже пробегают мурашки. Прodelываю этот

трюк еще и еще раз.

– Возьми в рот, – сдавленно шепчет Миша. Обхватываю головку ртом. Миша подается бёдрами вверх. Стонет. Шипит на вдохе. – Пососи.

Втягиваю в себя. Изгибается и снова стонет. Начинает двигать бёдрами. Облизываю его член, как леденец.

– Не могу больше. Сейчас кончу, – хрипит Миша. Мой рот заполняет тёплая сперма. Сглатываю солоноватую вязкую жидкость.

Миша бьётся в конвульсиях, сопровождая оргазм хриплыми стонами. Каждая его судорога отдается приливом внутри меня. Я получаю непонятное удовольствие от созерцания того, как он кончает.

Миша быстро засыпает на моей кровати. Я сворачиваюсь калачиком у него под мышкой и проваливаюсь в сон.

Наутро просыпаюсь разбитая, в полном одиночестве. Вспоминаю события вчерашнего вечера. Мне хочется забыть этот вечер, стереть из памяти. Вырвать и потерять страницу, где чёрным по белому расписано моё стремительное моральное падение.

Хорошо, что Миша ушёл. Я не смогла бы сейчас посмотреть ему в глаза. Чёрт! Что я натворила? Отвратительное поведение Пуавра ещё не повод пускаться во все тяжкие. Но думать об этом поздно. Всё уже сделано. Я вчера повела себя, как женщина не самого тяжёлого поведения. Моё, и без того

плачевное положение, усугубляется тем, что я сделала минет не кому-нибудь, а Мише. Разве не я клялась, что никогда и ни при каких обстоятельствах не стану заводить отношения с коллегами по работе? Стоп! Стоп! Стоп! Ни о каких отношениях речи не идет! Это был лишь секс, всего лишь секс. Мне надо было это сделать, чтобы вернуть изрядно потрёпанную Пуавром уверенность в себе. В своей женской привлекательности. Да уж. Вернула. Ничего не скажешь! Чувствую себя в два раза хуже, чем когда уезжала от Пуавра на такси.

Морщусь от мысли, что сегодня мне придется идти на тренинг, где я неизбежно встречу с Мишей. Что я ему скажу? А потом? Как я смогу работать с ним в одном офисе, после всего, что произошло? Наверное, мне придется уволиться. Но я не хочу увольняться из компании, когда передо мной открываются такие перспективы. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Что делать? Как вести себя с Мишей? Как пойти сегодня на тренинг? Сажу на кровати, обхватив голову руками и пытаюсь собраться с мыслями. Я растеряна.

Стук в дверь прерывает муки совести. Плетусь открывать. Кого еще принесла нелёгкая в такую рань? На пороге сияющий Миша. В одной руке держит картонную подставку с бумажными стаканчиками, в другой – пакет с эмблемой пекарни.

– Завтрак, – по-хозяйски проходит в номер и ставит свою добычу на стол.

Этого ещё не хватало! Понимаю, что всё намного хуже,

чем я себе представляла. Похоже, Миша решил, что теперь мы с ним пара. Но хочу ли этого я? Мне, конечно, приятно, что для Миши эпизод прошлой ночи – не просто физиологическая разрядка. Наверное, я ему действительно нравлюсь. Неужели я ему нравлюсь?

Растерянно хлопаю глазами, наблюдая за тем, как Миша достает из пакета пластиковые палочки и порционный сахар, завёрнутые в салфетку.

– Тебе кофе с сахаром? – деловито смотрит на меня.

– Я... мне... Нет! Без сахара, – собираю волю в кулак. – Мне надо в душ.

– Угу. Иди, – мычит Миша, откусывая от круассана. Жует. – Только не долго, а то кофе остынет.

Тёплые упругие струи падают на макушку и плечи. Чувствую облегчение. Мне надо подумать, что делать с внезапно свалившимся на голову «счастьем» в виде здоровяка Миши. Он мне никогда не нравился. Несмотря на вчерашнее недоумение, я не собираюсь поступаться принципами и заводить интрижку с коллегой. Мне надо как-то отделаться от Миши. Если бы он просто ушёл, пока я спала, всё было бы намного проще. Но он не ушёл, он побежал за завтраком для меня. Явно Миша на что-то рассчитывает. Но я не могу, да и не хочу встречаться с ним. Вспоминаю Пуавра. О том, как он поступил со мной. Меня охватывает злость. Чувствую, что начинаю закипать. Как бы мне хотелось отомстить Жильберу. Но я не знаю, как это сделать. Я всего лишь маленький

винтик в огромной корпорации, часть которой принадлежит ему. Как я могу отомстить богатому, влиятельному человеку в руках, которого сосредоточена огромная власть? Я для него ничто, пустое место. Он может раздавить меня одним движением пальца. Злиться на него глупо. Я ничего не смогу сделать. Абсолютно ничего, чтобы отомстить ему за своё унижение. От отчаяния на глаза наворачиваются слёзы. Сволочь! Как же я его ненавижу!

Выхожу из ванной, завернутая в белое махровое полотенце, злая, как целый ад чертей. Миша попивает кофе, развалившись в кресле. Смотрит на меня. По лицу расплывается довольная улыбка.

– Ты такая сексуальная, – его глаза вспыхивают. Встает. Подходит ко мне с явными намерениями. Тянется губами, чтобы поцеловать. Уворачиваюсь.

– Миш, мне надо одеться и накраситься, – сконфуженно морщу нос. Мне хочется, чтобы Миша ушел. Мне надо побыть одной, чтобы разобраться в непростой сложившейся ситуации.

– Ухожу, ухожу, – поднимает руки. – Одевайся.

Чмокает меня в щёку и выходит за дверь.

Плюхаюсь на кровать. В комнате соблазнительно пахнет кофе. Вздыхаю. Отхлёбываю из бумажного стаканчика и начинаю собираться на тренинг.

Миша забывает о Славе. Не отходит от меня ни на шаг. Мы с ним как два сиамских близнеца. Ходим, словно приклеенные друг к другу. Миша старается угадывать мои желания, заглядывает в глаза. Со всех ног кидается выполнять любой мой каприз. Терплю его присутствие в своём личном пространстве. Вскоре постоянное присутствие Миши начинает меня тихо бесить. Меня раздражает его уступчивость и чрезмерное внимание. Еще немного, и он будет провожать меня в туалет.

Попытки Миши обжиматься и лобызаться обрубаю на корню. Первые два дня Миша недоумевает, но сопротивляется не сильно. Надеюсь, что это охладит его пыл. Однако Миша на редкость терпелив. Быстро понимает, что я не хочу с ним всех этих нежностей. Больше не лезет ко мне с поцелуями. О сексе речи уже не идёт. Ставлю себе это в заслугу. Но Миша продолжает настойчиво изображать, что мы с ним пара. Я хочу послать Мишу подальше, но не могу. Чувствую неловкость. Переспала, а потом послала. В моих глазах это совсем никуда не годится. Я же приличная девушка. Мне надо как-то собраться с духом и объяснить Мише, что между нами ничего нет. Миша слащавый и прилипчивый, как сахарная вата. Меня уже тошнит от него. От его влюбленных взглядов, от грусти на мясистом лице, от заискивающих фраз, от постоянных предложений куда-нибудь сходить. Неужели я никогда не смогу отделаться от него? Впадаю в уныние. Я сама во всём виновата. Во всём, что происходит

со мной, я виновата сама. Я виновата в том, что позвонила Пуавру. Виновата, что согласилась на его дурацкое предложение. Виновата, что с расстройства отсосала у Миши. Как со всем этим жить дальше, не представляю.

Через неделю начинаю откровенно хамить. Миша терпит, смотрит на меня глазами побитой собаки, отчего я ещё больше распаляюсь. Обзываю его идиотом. Раздражаюсь, как только вижу на горизонте его неуклюжую фигуру. Я не понимаю его. Он что, мазохист? Ему что, нравится, когда его унижают? Сколько можно меня доставать? Миша ходит за мной унылой тенью. Лицо осунулось, глаза ввалились. Вид жалкий. Чувствую свою вину и еще больше злюсь.

Пребывание в Париже для меня превращается в пытку. С нетерпением жду возвращения домой. Надеюсь, что в России всё образуется. До отлёта два дня. Выхожу в обеденный перерыв на улицу подышать свежим воздухом. Стою на ступеньках монструозного небоскрёба. Миша, как всегда, рядом. Теперь Миша всегда рядом со мной. Без Миши я никуда. Бесит! Молчу, злобно сверкая глазами на своего незадачливого поклонника. Надо возвращаться в аудиторию, через пять минут начнётся тренинг. Слышу за спиной шаги. Поворачиваюсь и вижу Пуавра. Пружинистой походкой поднимается по ступенькам. Совсем близко. Скользит по мне уничижительно-брезгливым взглядом. Моё сердце обрывается и падает в утробу.

– Добрый день! – слышу, как здоровается с ним Миша.

Пуавр кивает в ответ. Смотрит на меня. Молчит. Я тоже молчу. Я не хочу здороваться с Пуавром. Я ненавижу этого человека.

Проходит мимо. Внутри всё закипает. Во мне поднимается волна ярости. Тяжело дышу, кидая вслед Жильберу взгляд, полный ненависти. В эту минуту мне хочется совершить нечто безумное, отвратительное, чтобы выплеснуть из себя всю мерзость, что бурлит во мне сейчас.

Пуавр скрывается за стеклянными дверями.

– Пойдём. Нам пора, – хватаю Мишу за руку и тащу внутрь. Что я хочу сделать, ещё не знаю. Но это будет что-то очень вызывающее, эпатажное, аморальное. Потому что я так хочу, мне сейчас это нужно.

Миша смотрит на меня безумными глазами. Он не понимает, что происходит.

Как только приезжает лифт, вталкиваю Мишу внутрь. В лифте мы одни, поднимаемся на шестидесятый этаж. Прижимаюсь к Мише всем телом и впиваюсь в его рот губами. Он в шоке, но не сопротивляется. Хватает меня огромными ручищами и начинает жадно тискать. Нащупываю рукой кнопку аварийной остановки и опускаюсь перед Мишей на колени. Он смотрит на меня затуманенным взглядом. В его глазах плещется океан желания. Он хочет, чтобы я сделала ему минет. Расстёгиваю ширинку, достаю член в полной боевой готовности и беру в рот. Его щёки и шея пылают. Миша

громко стонет во весь голос. Маленькое пространство лифта заполняется его шумным дыханием и стонами. Меня это заводит. Миша вздрагивает и изливается мне в глотку горячей спермой. Глотаю. Он обмякает. Чувствую, как дрожат его ноги. Тяжело дышит. Открывает глаза и смотрит на меня пустым взглядом.

– Карина, ты... ты... Я... Карина...

Поднимаюсь с колен. Тяжело дышу. Кажется, отлегло. Ощущаю странное облегчение. Похоже, минет весьма действенное лекарство от нервного потрясения под названием Жильбер Пуавр.

Поправляю волосы. Быстро одёргиваю юбку. Поворачиваюсь лицом к двери. Указательным пальцем нажимаю на кнопку шестидесятого этажа. Я не хочу сейчас слушать Мишу. Я хочу избежать дурацких объяснений и ненужных разговоров. Ненавижу Пуавра. Ещё больше ненавижу Пуавра за свою очередную идиотскую выходку.

Оставшуюся часть дня Миша пожирает меня глазами. По его лицу блуждает раздражающая меня улыбка. Меня тошнит от всех этих приторных Мишиных ужимок, которые он посылает в мой адрес. Кое-как досаживаю занятие до конца, и тут же срываюсь с места, стоит только преподавателю произнести заключительное слово. Быстрыми шагами иду по коридору. Я не хочу видеть Мишу. Я не хочу с ним разговаривать.

Догоняет меня. Идет рядом. Тяжело дышит, пытаюсь вос-

становить дыхание.

– Карина, – начинает Миша.

– Что. Тебе. От. Меня. Нужно? – отрывисто чеканю я.

– Карина, ты на меня за что-то сердишься? – Миша недоумевает. Он не понимает причины моего раздражения.

– Оставь, наконец, меня в покое! – ору ему в лицо.

– Но как же? Карина... А... Я не... Карина... – останавливается. Бодро шагаю дальше. – Подожди! Тогда зачем?! – кричит мне в след.

Неужели он думает, что я буду отчитываться перед ним за свой поступок? Я не хочу ему ничего объяснять.

– Истеричка! – несется мне в спину.

Не поворачиваясь, показываю ему через плечо средний палец.

– Потаскуха! – кричит в ответ Миша. Мне всё равно. Он может думать обо мне что угодно. Меня не волнует его мнение. Я вполне довольна достигнутым результатом.

Всю дорогу от Парижа до Москвы Миша злобно сверлит меня взглядом. Не обращаю на него внимание. Делаю вид, что ничего не происходит. Я не собираюсь заводить интрижки с коллегами по работе. То, что было между мной и Мишей – это всего лишь секс. Просто секс. Лёгкое, ни к чему не обязывающее маленькое эротическое приключение.

В Москве, к моему удовольствию, действительно всё меняется. Миша больше не преследует меня. Он перестаёт здо-

роваться при встрече со мной. Каждый раз слышу перешёптывания коллег у себя за спиной. Мне неприятно, но я не собираюсь поддаваться панике. Мне нравится моя работа, и я никуда не уволюсь, лишь потому что два раза отсосала у Миши. По-моему, Миша должен быть доволен, что ему два раза отсосали.

Убеждаюсь, что Миша не достоин моего внимания. Кажется, о своих злоключениях он поведал всему офису. Такого мужчину, как Миша, я могу только презирать. Молодые парни и сотрудники постарше косятся на меня недобрыми глазами. Женщины смотрят брезгливо, кривя накрашенные губы. В их взглядах сквозит презрение. Мне всё равно. В офисе у меня нет ни подруг, ни друзей. Я ни с кем не дружу. Мне этого не нужно, я полностью отдаюсь своей работе.

Веду себя, как ни в чём не бывало. Знаю лишь одно: поездка в Париж сильно изменила меня. Что сделал со мной Жильбер Пуавр? Почему из милой хорошей девочки я превратилась в такое? Меня удручает моё странное, не совсем женское поведение. Ведь, если быть до конца честной, то с Мишей я поступила просто отвратительно. Чувствую угрызения совести. Не столько из-за Миши, сколько из-за себя самой. Я ужасно безнравственная. Никогда не думала, что могу быть такой. Я никогда не думала, что могу использовать людей. Использовать мужчин. Использовать так. По сути, я воспользовалась тем, что Миша ко мне равнодушен, чтобы успокоить себя, чтобы повысить свою самооценку, чтобы не

выглядеть жалкой в собственных глазах. Я просто использовала Мишу и абсолютно не чувствую себя перед ним виноватой. Что со мной не так? Что происходит? Может, дело не в Пуавре? Может, его отвратительный поступок просто помог раскрыть мне ту тёмную сторону самой себя, о которой я даже не подозревала?

Глава 5. Жильбер. Подарки судьбы

Ухожу с головой в рабочий процесс. Меня уже совсем не волнует шипение коллег за спиной. Работаю самоотверженно, тем более, что меня, наконец, утвердили в должности руководителя сектора оптовых продаж.

О поездке в Париж стараюсь не вспоминать. Слишком много негатива осталось от посещения этого города. Москва с её суетой захватывает стремительным потоком каждодневных проблем. Так незаметно пролетают три месяца.

Я руководитель сектора оптовых продаж. Драка все-таки прислушался к моему мнению и ввёл в штат еще одну единицу. Почти каждый вечер задерживаюсь на работе. Провожу собеседования с кандидатами на место специалиста в своем секторе. Через месяц выбираю одного из понравившихся кандидатов. Молодой энергичный парень, чуть старше меня. Хорошо знает английский. Проверяла не только я. Смекалистый. Иван. Мне нравится Иван. Кажется, мы сработаемся.

Постепенно ввожу нового сотрудника в курс дела. Работа кипит. Драка пару раз наведывается в офис, но на ковёр

с докладом меня не вызывает. Вижу его мельком в коридоре. Здороваемся. Перебрасываемся парой фраз. Спрашивает, как мне понравился Париж. Откровенно вру, закатывая глаза и прищёлкивая пальцами. Драка мне верит. Улыбается. Из вежливости приглашает приехать ещё раз. Возможно, если я поеду туда одна и на свои деньги, то мои впечатления от этого города будут куда более положительными. Главное, ненароком не столкнуться с Пуавром.

Когда вспоминаю о нём, внутри неприятно съёживается. Я хочу забыть этого мерзкого типа раз и навсегда. Но забыть не получается. Вскоре мсье Жильбер Пуавр собственной персоной заявляется в наше подразделение. Его приезд ознаменовывается тем, что в офисе начинается нездоровое оживление. Меня тут же требуют на ковёр к заместителю генерального директора. Вот уж не думала его снова тут увидеть. Что привело столь напыщенного, самодовольного мсье в нашу богом забытую страну? Чего-то он зачастил в Россию в последнее время. Считай, это его второй приезд за последние полгода.

Мне ужасно не хочется идти в кабинет к Пуавру. Меня передёргивает от одной только мысли, что я снова увижу надменное брезгливое выражение его лица. При последней нашей встрече я даже не поздоровалась с ним. В животе неприятно холодеет от мысли, что мсье Пуавр попросит меня уволиться из компании. Хотя, что я сделала? Я хороший работник. Работа моего сектора отлажена, как механизм швейцар-

ских часов. Может ли Пуавр уволить меня лишь за то, что я с ним не поздоровалась? Сильно нервничаю. Меня начинает подташнивать. Несмотря на это, я иду по коридору в сторону кабинета, где расположился Пуавр.

Стучу в дверь и, не дожидаясь ответа, ступаю в кабинет. Стоит лицом к окну. Руки заложены за спину. Ноги широко расставлены. На Пуавре превосходный серый костюм-тройка.

– Добрый день, мсье Пуавр! Вызывали? – из последних сил стараюсь улыбаться. Мне абсолютно не хочется этого делать. Мне вообще не хочется с ним разговаривать.

Поворачивается ко мне, сверкая серыми жемчужинами. Смотрит с прищуром. В воздухе повисает неловкая пауза. Я переминаюсь с ноги на ногу. Мне становится ужасно неудобно в его кабинете.

– Добрый день, мадемуазель Карин! – разрывает тишину с легкой хрипотцой голос Пуавра. – Да, проходите. Садитесь.

Я не хочу сидеть, когда он стоит. Я так буду чувствовать себя неудобно.

– Спасибо, я постою.

– Конечно, как Вам будет угодно, – делает глубокий вдох. – Я Вас вызвал вот по какому поводу, мадемуазель Карин. Как Вы знаете, на нашем предприятии действует корпоративный кодекс. Руководство нашей компании, в моём лице, не одобряет, когда сотрудники нарушают положения, прописанные в данном документе.

Я таращусь на него безумными глазами, не понимая, о чем идет речь.

– Я не понимаю Вас, мсье Пуавр, – я напугана, я в панике. Делаю шаг назад. К двери.

Пуавр подходит ко мне достаточно близко. Настолько, что я слышу аромат его парфюма. Терпкий, дорогой аромат с тёплыми древесными нотами.

– Сейчас я Вам объясню. Корпоративная этика не поощряет неуставные отношения между сотрудниками. Тем более, – говорит отрывисто, выделяя каждое слово, – в помещениях офисов и зданий, принадлежащих компании, а так же иных конструкциях и сооружениях, располагаемых на территории этих объектов.

Его путаная речь окончательно сбивает меня с толку. Но вид у Пуавра такой, будто он готов растерзать меня прямо здесь, в овальном кабинете. Глаза пылают, он хочет испепелить меня взглядом. Кажется, он рассержен не на шутку. Я нервно сглатываю под натиском его пламенных невразумительных фраз.

– И все-таки, мсье, я не понимаю, – начинаю блеять я, теряя остатки уверенности. Пуавр подходит вплотную.

– Запись, Карин. Охрана офисного здания в Ля-Дефанс передала мне запись с одной из камер видеонаблюдения, – шумно дышит. Его лицо на непозволительно близком от меня расстоянии. – Весь штат охраны видел, как ты отсасывала этому русскому в лифте! Между тринадцатым и четырнадцатым.

дцатым этажом! Это видели все охранники! Все, Карин! Все до единого!

Его ноздри раздуты, отчего нос становится похожим на клюв огромной птицы. По телу прокатывается волна неприятных мурашек. Из моих уст невольно вырывается нервный смешок. Откашливаюсь, стараясь замаскировать неловкий момент.

– Вы находите это смешным, мадемуазель? – его губы вытягиваются в струну и бледнеют. Желваки играют на мужественном лице.

– Простите, мсье Пуавр, – опускаю взгляд, виновато поджимая губы.

– Зачем ты мне врала? – выдыхает Пуавр. – Зачем? Чего ты хотела этим добиться?

Вздрагиваю от его слов, словно от удара. Таращусь на него. Я ровным счетом ничего не понимаю. Это какой-то абсурд!

Пуавр продолжает шипеть мне в лицо:

– Я хочу тебя. Слышишь? Отсоси мне так же, как отсасывала ему! – в расширенных зрачках бешеное желание. Смотрит на меня голодными глазами. – Ну давай же. Встань на колени. Возьми мой член в рот.

Мотаю головой, стараясь освободиться от внезапно навалившегося морока. Бред! Пуавр приехал в Россию для того, чтобы отчитать меня за непристойное поведение в лифте и попросить сделать ему минет? Мне кажется, или мир сошел

с ума?

Усмехаюсь, не пряча своего истинного поведения.

– Вы за этим приехали, мсье Пуавр? Вы приехали в Россию, преодолев огромное расстояние, только за тем, чтобы я Вам отсосала? Вы правда за этим приехали? – мне становится смешно. Я открыто смеюсь ему в лицо. Пуавр вспыхивает, но тут же резко бледнеет.

– Стерва! – зло шипит Жильбер.

– Мерзавец! – рублю ему в ответ.

– Шлюха!

– Импотент!

Больно хватает меня за волосы и притягивает к себе.

– Хочешь, чтобы я доказал тебе обратное? – в глазах адское пламя, губы в паре сантиметров от моих. Разглядывает их ненасытным взглядом. Моё сердце готово выпрыгнуть через горло.

– Мсье Пуавр, – цежу сквозь зубы. – Не Вы ли только что говорили мне о корпоративной этике? А теперь сами хотите нарушить положения, регламентированные кодексом.

Отпускает меня, тяжело дышит.

– Сегодня. В семь. У меня в апартаментах.

– Нет, – мотаю головой.

– Почему?

– Вы забыли. Я девственница.

– Лжёшь! Ты опять мне лжёшь! – бесится Пуавр.

– Нет... Там я всё ещё целая...

– Мне все равно! Я хочу тебя! – лицо перекошено желанием.

– Интересно, как к этому относится Ваша жена? Или ей всё равно, что её муж ездит в Россию только за тем, чтобы ему сделали минет? – меня трясёт от его беспардонности. Неужели он думал, что стоит поманить меня пальцем, и я опять побегу за ним. Может, с кем-то этот трюк и проходит, но только не со мной, мсье Пуавр! Не со мной! У Вас был шанс, и Вы его упустили. Больше такого случая Вам не представится. Увы! Брезгливо кривлюсь в ухмылке, не отводя глаз от Пуавра.

На секунду его глаза гневно вспыхивают. Взгляд резко становится холодным и отстранённым. Делает два шага назад. Разворачивается ко мне спиной и подходит к окну.

– Мадмуазель Карин, Вы можете возвращаться на свое рабочее место, – произносит ледяным тоном.

Стоит, не поворачивая головы, уставившись в окно. Превосходно! Даже в такой, казалось бы, невыгодной для него ситуации Жильбер держит марку. Он по-прежнему неподражаемо великолепен в своем высокомерии.

Выхожу из кабинета. Моё «я» ликует. Самооценка взлетает до небес. Конечно, мне немного неприятно, что весь штат парижского офиса наблюдал за моим нравственным падением в лифте между тринадцатым и четырнадцатым этажами, но то, что мсье Пуавр прилетел в Россию только ради того, чтобы попенять мне за этот отвратительный поступок,

заставляет всё внутри трепетать. Ах, как сладка месть! Маленькая женская месть! Единственное, что мне не нравится в данной ситуации – это то, что Пуавр всё ещё хочет меня. И от этого заходится сердце. Мне ужасно хочется отдаться этому мерзавцу. Нет, я не люблю Пуавра. Это просто влечение. Чувственный магнетизм. Я хочу его тело. Я хочу видеть, как он стонет под моими ласками. Вот чёрт! Я опять думаю о нём в непозволительном ключе! «Очнись, Карина! Этот человек унизил тебя, и продолжает это делать! Ты в своем уме?»

Пуавр в Москве неделю. Всю неделю я бегаю в его кабинет с отчётами. Целыми днями занимаюсь только тем, что составляю для Пуавра графики, сводки, прогнозы. Вопреки моим опасениям, он ко мне больше не пристает. Слушает меня, стоя лицом к окну. Пьёт кофе. Иногда вскользь смотрит на меня проницательным взглядом, слегка прищурившись, отчего лучики морщин в уголках глаз становятся более явными. Изредка задает вопросы. Темы наших бесед имеют исключительно деловой характер.

У меня неприятно сосёт под ложечкой. Всё-таки Пуавр приехал, чтобы уволить меня? Не слишком ли много чести для такой мелкой сошки, как я? Меня сильно настораживают все эти отчёты и графики, что я ношу Пуавру.

Через пару дней градус напряжения спадает, и я осторожно интересуюсь, почему мсье Драка не приехал сам, а прислал Пуавра. Я должна выяснить истинную цель визита

Жильбера в Россию.

– У него несчастье, – смотрит на меня острым, как кинжалы, взглядом. – Умерла любимая сука Пьера, Альма. Пьер её просто обожал.

– Мне очень жаль, – опускаю глаза. Неужели дело в дохлой псине? Кажется, у меня слишком большое самомнение. Визит Пуавра в Москву связан вовсе не со мной, а с покойной Альмой.

– Мадемуазель Милованова, у совета директоров есть к Вам деловое предложение. – Ого! Такого я не ожидала. – Мы хотим предложить Вам место исполнительного директора русского филиала.

Вот это да! Последней фразой Пуавр сразил меня наповал.

– Мы давно наблюдаем за Вами, и нам кажется, что Вы справитесь с этой работой, – во взгляде лёд. Весь его вид исходит крайнюю озабоченность. Похоже, мсье Пуавр не шутит. Совет директоров хочет, чтобы я руководила представительством торговой компании в России. Такого щедрого подарка я не ожидала. Я знала, что Петренко уходит, но даже и представить не могла, что его кресло может достаться мне. Интересно, что стало решающим фактором? То, что Пуавр возжелал меня, или то, что я сделала минет Мише на виду у всевидящего ока системы видеонаблюдения парижского офиса? Усмехаюсь про себя. Но серьёзное выражение лица Пуавра не дает мне развить эту забавную, на мой взгляд, мысль. Похоже, он и вправду считает меня весь-

ма компетентным работником, способным управлять целым офисом. – Так Вы согласны?

Его слова выводят меня из оцепенения, в котором я пребываю. Я не каждый день получаю предложения поручить предприятием со штатом в несколько сотен человек.

– Я согласна, – хриплю в ответ. Откашливаюсь.

– Что же, мадемуазель Милованова, – я рад это слышать. Подходит ко мне, целует руку. – Поздравляю!

Пожимает мою ладонь. Я таю, чувствуя его прикосновения. Голова начинает кружиться. Пуавр снова слишком близко. Я снова слышу его запах. И пьянею от его близости, словно от вина.

Долго смотрит мне в глаза. По лицу мелькает тень. Сглатывает. Мотает головой, опуская взгляд. Делает два шага назад и отворачивается.

– Всё, мадемуазель Карин. На сегодня всё. Можете идти, – говорит сдавленным голосом. Моё сердце бешено пульсирует в груди. Я по-прежнему хочу Пуавра. Чувство ненависти к Жильберу, владевшее мной последние несколько месяцев, сходит на нет.

На следующее утро курьер приносит мне в офис огромный букет алых роз. Изумительных. Превосходных. Роскошных алых роз. Беру букет в руки. Розы просто великолепны. Никакой записки нет. В голове мелькает мысль о том, кто и по какому поводу мог послать мне эти розы.

Почти вся команда нашего офиса располагается в громадном, похожем на футбольное поле, помещении опен-спейс, за исключением нескольких высокопоставленных начальников, сидящих в отдельных кабинетах. Коллеги смотрят на меня с нескрываемым любопытством и удивлением. Женщины начинают перешёптываться. Миша, проходящий мимо моего места с чашкой кофе в руках, смотрит ошеломлённо и не может оторвать взгляд. Бледнеет, спотыкается и расплёскивает кофе.

– Вот, блин!.. – чертыхается Миша, обливаясь кофе.

Я сижу с довольным лицом. Улыбаюсь загадочной улыбкой Моны Лизы. В животе порхают бабочки. Обдумываю, что сегодня скажу Пуавру при встрече. С нетерпением жду момента, когда меня вызовут на ковёр. Но, к моему огорчению, этого не происходит. Ближе к вечеру узнаю, что Пуавр вернулся в Париж ещё вчера. Настроение падает до нуля. Гад! Как это у него получается? Вначале воодушевить меня, а потом одним единственным поступком вернуть с небес на землю, больно шлёпнув лицом в грязь!

Остаток дня думаю о Пуавре, напрочь забывая о своем предстоящем назначении на высокую должность. Вскоре о том, что я – новый исполнительный директор российского представительства, становится известно всем.

Отношение коллег резко меняется. Люди смотрят на меня заискивающими взглядами. Улыбаются. Особо смелые подходят, чтобы поздравить. С охотой принимаю их поздравле-

ния и напутствия. Наверное, мне придётся устроить небольшой фуршет в честь скорого назначения. Выхожу в коридор, где расположены переговорные и небольшая стойка-кухня с кофемашиной и продуктовыми автоматами. Мне надо обдумать план своих дальнейших действий. За спиной слышу приближающиеся шаги. Поворачиваюсь и вижу Мишу. Лицо бледное, губы натянуты струной. Подходит ко мне, окатывая презрительным взглядом.

– Ну что, тебя можно поздравить?

Мне не нравится тон, которым он это говорит.

– Да уж! Ничего не скажешь. Ценный кадр, – его слова сочатся ядом. – Я как посмотрю, ты у нас высококвалифицированный специалист не только по работе с оптовыми покупателями. Да, Карина?

Откуда в нём столько злости?

– Что, завидуешь? – фыркаю в ответ.

– Я?! – вскидывает брови. – Нет! – мотает головой. – Куда мне до тебя!

Нервно трёт подбородок рукой.

– Ты же у нас профессионал! Профессионал-ка! – делает акцент на последнем слого. – Видать, очень хорошо сосала, раз он сделал тебя исполнительным директором!

В глазах ненависть. Скотина! Какая скотина! Мотаю головой, усмехаюсь. Вскидываю на Мишу неприязненный взгляд.

– А ты не боишься? – вытягиваю губы трубочкой и вни-

мательно смотрю на него.

– Чего? – его ноздри раздуваются.

– Говорить такое без пяти минут исполнительному директору?

– А ты стерва!

– Угу, – киваю я в ответ. – Ещё какая! Ты даже себе не представляешь!

– Проститутка! – цедит Миша сквозь зубы. Его слова больно ударяют по самолюбию. Чувствую, как сжимаются мои челюсти.

– Баба! – бросаю ему в лицо, вспоминая шушуканья за моей спиной. Представляю, что теперь наплетёт обо мне этот подонок. Хотя какое мне дело. Пусть говорят, что хотят. Ведь я точно знаю – за то, что я наговорила Пуавру, он должен был уволить меня, а не повышать. Всё, чего я добилась – это только благодаря моему профессионализму и старанию. Я сомневаюсь, что совет директоров поставил бы меня на ключевую позицию только потому, что я с кем-то там переспала. Ведь я ни с кем из руководства не спала. То, что было с Пуавром не счёт. Ведь это тут ни при чём? Или при чём? Мишины слова заставляют меня сомневаться в собственной профпригодности. Чёрт побери этого Мишу! Я уже сто раз пожалела о том, что делала ему минет. Наверное, Миша – наказание за мою распущенность. Божья кара. Когда он уже успокоится?

Глава 6. Пьер. Мышеловка

Я исполнительный директор московского представительства франко-российской торговой компании. В свои двадцать четыре года я руководитель крупного предприятия. Топ-менеджер. Все идёт просто отлично. Превосходно. Чудесно. Часто созваниваюсь с Драка по скайпу. Первое время Пьер приезжал в офис чуть ли не каждую неделю, но потом немного успокоился. Кажется, он стал больше доверять мне. Я уже не трясусь при его появлении. Веду себя уверенно. Знаю, я всё делаю правильно.

Управляю представительством почти год. За этот год в моей личной жизни ничего не изменилось. У меня по-прежнему её нет. Миша не смог пережить моего назначения на пост исполнительного директора и написал заявление об уходе почти сразу после того, как я официально приступила к исполнению своих обязанностей.

Компания оплачивает мне роскошную студию в сто квадратных метров в самом центре Москвы. Машины у меня нет. Я боюсь ездить по Москве. Здесь слишком сильное движение. Поэтому советом директоров было принято решение о выделении мне служебного автомобиля с водителем. Пользуюсь им только в рабочие часы. В остальное время предпочитаю вызывать такси. Так проще, кроме того, мне это почти ничего не стоит. Я состоятельная бизнес-леди.

Одеваюсь, как и раньше, согласно корпоративному этикету. Правда, для топ-менеджеров предусмотрен совсем дру-

гой дресс-код – сдержанные костюмы дорогих брендов. Но, как и раньше, все скромно, без излишеств. Привыкаю к частому посещению салонов красоты, рекомендованных корпоративным кодексом. В России я лицо компании. Я не могу выглядеть абы как. Встречаюсь с серьёзными людьми, в серьёзных местах. Я должна выглядеть презентабельно. Своего рода реклама бренда. Мне непозволительно иметь расчёпанные волосы и неухоженные руки. В моем гардеробе появляются коктейльные платья и вечерние наряды. В мои обязанности входит посещать светские мероприятия.

В дни, когда Пьер приезжает в Москву, я обязана его сопровождать. Деловые ужины и обеды такая же часть моего делового расписания, как совещания и проведение презентаций. С Драка у меня превосходные отношения. Я уважаю его за талант руководить огромной компанией и деловую хватку. Я многому учусь у Пьера. Он относится ко мне по-отечески добро. Когда у меня возникают сложности, я звоню Пьеру, чтобы он дал мне совет. Стараюсь от него ничего не скрывать, даже в самых патовых ситуациях. И, похоже, Пьер, ценит во мне эту черту. Он доволен моим назначением.

Пуавра я не видела с того дня, когда он объявил мне о решении совета директоров. Мы не созваниваемся и не списываемся, хотя я веду активную переписку с парижским офисом. Знаю там уже многих. Участвую в видеоконференциях. И за целый год – ни одной весточки от Жильбера. Я до сих пор думаю о Пуавре. Это не любовь. Это влечение. Взаимное

влечение тел. Было взаимное. Наверняка, мсье Пуавр уже забыл обо мне. Мне тоже стоит выкинуть его из головы.

Меня сильно удручает то, что за целый год у меня больше не было мужчины. Мне двадцать четыре года, и у меня нет мужчины. До сих пор у меня нет мужчины. Я слишком занята для того, чтобы заводить отношения. К тому же, где мне теперь его искать? Я топ-менеджер крупного предприятия. Вряд ли я смогу быстро найти себе ровню. Мама шутит: если только мне попадётся какой-нибудь холостой министр. Я смеюсь вместе с ней в телефонную трубку. Но мне совсем не до смеха. В такие минуты на душе скребут кошки. В этой маминой шутке доля правды такова, что впору выть, а не смеяться. Кажется, своим стремлением доказать всем и вся собственную исключительность, я загнала себя в угол. Не пойду же я искать приключений в ночной клуб? Что делать не знаю. На работе у меня один единственный друг – Пьер Драка. Пьер Анри Драка. Генеральный директор и крупный акционер нашего предприятия. Смешно. За почти десять лет я смогла подружиться только с генеральным директором, который годится мне в отцы. Горько усмехаюсь, думая о нелепой ситуации, в которую я попала. У меня прекрасная, превосходная, роскошная жизнь. У меня интересная работа, отнимающая большую часть моего времени. Но всё равно есть минуты, когда я чувствую себя безумно несчастной. Я вспоминаю Пашу, свою первую любовь. Как бы сложилось, если бы Паша выбрал не Милу, а меня? Старшая дочь Паши и

Милы в этом году идёт в первый класс. Надо же. Когда-то и мы были такими. Разве же я могла предположить, что этот лопоухий сорванец, каким я впервые увидела Пашу, станет самым важным в моей жизни разочарованием. Разве я тогда могла подумать, что именно он разобьёт мне сердце, и я навсегда превращусь с старую деву, синий чулок, у которой нет ничего, кроме престижной высокооплачиваемой работы.

По ночам, лёжа в полной темноте в своей роскошной студии с прекрасным видом на Москва-реку, я реву в подушку от одиночества и безысходности. Несчастливая дура! Чего ты добилась? Чего? Да, ты руководитель крупного филиала франко-российской компании, но у тебя нет никого, кто бы ждал тебя дома. Каждый вечер ты приходишь одна в пустую, холодную квартиру. Каждый вечер завариваешь себе кружку чая с чабрецом и садишься за ноутбук, чтобы ещё немного поработать. Ведь, кроме работы, у тебя в жизни ничего нет. Ты одинока. Безумно. Страшно одинока.

Встряхиваю головой, пытаюсь освободиться от этих пессимистичных мыслей. Мне надо работать, надо провести анализ доли российского рынка, занимаемой нашим предприятием. Завтра приедет Драка. Завтра я должна предоставить ему полный отчёт о деятельности предприятия за последние три месяца. Мы договаривались, что я сделаю это к его следующему приезду. И сейчас я катастрофически не успеваю. Ну ничего, у меня ещё есть часа три-четыре, чтобы поработать. А потом – спать. Я обязательно должна выспаться. Я

должна быть завтра свежей, как огурчик, чтобы Драка не заподозрил, что я доделывала отчёт в последнюю минуту.

Ищу в почте сводки, которые мне должен был прислать Иван. Ивана я назначила на своё бывшее место. Парень оказался действительно очень способным. Я на него всегда могу положиться. Если так пойдёт и дальше, то я подброшу Драка мысль о том, чтобы сделать его моим замом. Мне нужен толковый помощник. В наше время очень тяжело найти высококвалифицированного специалиста, способного всё делать в срок. И я ценю это качество в Иване.

Ложусь спать ближе к трём. В восемь за мной заедет машина, а в девять я должна предоставить Драка всю необходимую документацию. Пьер обычно прилетает рано утром и, не останавливаясь, сразу едет в офис. Я уже выучила его повадки, поэтому готова к завтрашней встрече на все сто процентов.

Утром надеваю костюм Шанель и бежевые лодочки на шпильке. Подвожу глаза, допиваю кофе и выхожу из дома. У подъезда меня ждет сиреневый «Ситроен» премиум-класса – выбор совета директоров. Я не спорю, я абсолютно ничего не понимаю в автомобилях. Сажусь в машину и еду в офис.

Прохожу по коридору в свой кабинет. Останавливаюсь возле стойки, за которой сидит Людочка – мой личный по-

МОЩНИК.

– Мсье Драка уже приехал?

– Ещё нет. Кофе, Карина Артуровна?

– Нет-нет! Все потом. Пригласи ко мне Ивана. Скажи, что это срочно, – быстрым шагом прохожу в свой кабинет. Снимаю жакет и вешаю на спинку кресла. Смотрю на часы. Без десяти девять. Драка будет в офисе с минуты на минуту. Нервничаю. А вдруг Иван ещё не пришел?

– Вызывала? – стоит только вспомнить, как он тут же материализовывается. Вот что мне нравится в хороших сотрудниках: они как хорошие нужные вещи – всегда под рукой.

– Вань, я там тебе ночью файл скинула. Подправь, чтобы можно было показать на проекторе. Ну ты знаешь.

– Всё сделаю в лучшем виде. Не переживай, – выходит за дверь. Поворачивается. Улыбается. – Отлично выглядишь!

Подмигивает. Выдыхаю и улыбаюсь в ответ. Иван умеет сделать так, чтобы я расслабилась.

– Спасибо, Вань! Я без тебя как без рук!

– Спасибо на хлеб не намажешь! Будешь делить премию – с тебя причитается! – подмигивает и закрывает за собой дверь. Засранец! Смеюсь. Иван классный. Работать с ним одно удовольствие. Я ещё ни разу не пожалела, что выбрала именно его. Надо будет поговорить с Драка о его повышении. Но всё потом. Сначала отчёт, а потом все остальное.

Пьер не заставляет себя долго ждать. Сидим в зале заседаний. Иван помогает мне с показом презентации. Вид Пьера

оставляет желать лучшего. Видно, что он всю ночь не спал. Веки набрякли, уголки губ опустились, морщины сделались ещё глубже. Пухлые щеки похожи на сдувшиеся воздушные шары.

– По нашим прогнозам, – заканчиваю свою речь. – В следующем квартале доля компании на рынке должна вырасти на две десятые процента.

– Хорошо, Карин. Очень хорошо, – Драка чуть ли не засыпает, сидя в кресле. Вижу, как его веки то и дело слипаются.

– Может, ещё кофе? – спрашиваю я.

– Нет, не нужно. Что-то я очень устал. Наверное, стоит поехать немного отдохнуть.

– Конечно, Пьер. Как скажете.

– И ещё, Карин. Сегодня премьера в Большом театре. Мы с Вами должны быть там. Будет Елизаров. Во чтобы-то ни стало надо уговорить его сотрудничать с нами. Елизаров – матёрый конкурент. Если мы с ним не договоримся, то он выдавит нас с рынка. Всё, Карин. Я поехал, – встаёт с кресла. – Без четверти семь я за Вами заеду.

– Хорошо, – киваю я. Сегодня мне опять предстоит сопровождать Драка.

Премьера проходит «на ура». Хотя, если честно, я не очень понимаю все эти новомодные интерпретации хорошо известных и давно зарекомендовавших себя спектаклей. К разочарованию Драка, Елизаров на представление так и не

приехал. Едем по Краснопресненской набережной. На мне синее атласное платье в пол и такие же туфли. Яркий макияж. Соответствующая статусу мероприятия прическа.

Пьер насуплен. Выглядит сердитым.

– Мне не хочется сегодня оставаться одному, – бормочет Пьер, глядя в окно. – Карин, может, Вы составите мне компанию на этот вечер?

От Пьера я не ожидаю подвохов, поэтому с лёгкостью соглашаюсь.

Едем в дорогой ресторан французской кухни.

– Разве это кассуле? – ворчит Драка, ковыряя в тарелке. – Русские совершенно не умеют готовить кассуле.

Недовольно откидывается на спинку стула. Разочарованно вздыхает. Я незаметно улыбаюсь. Дело в том, что в этом ресторане шеф-повар – француз, как и большинство работников. Мне смешно наблюдать за Пьером, когда он чем-то огорчён. Он начинает ворчать и жаловаться. Вода становится недостаточно мокрой, солнце – недостаточно ярким, а русские, которые на самом деле французы, совершенно не так готовят кассуле.

Я тихонько потягиваю шардоне из высокого бокала на тонкой ножке.

Драка сидит молча, сдвинув брови.

– Карин, – вдруг обращается он ко мне. – Что Вы думаете о Жильбере?

От неожиданности давлюсь вином. Откашливаюсь. С чего

вдруг Пьер вспомнил о Пуавре. Растерянно пожимаю плечами, не зная, что ему ответить.

– Мне кажется, Вы ему нравитесь?

– С чего Вы это взяли, Пьер? – стараюсь быть как можно более безразличной. Но слова Пьера отдаются во мне неровными пульсациями сердечной мышцы.

– Даже не знаю. Мне так показалось, – внимательно смотрит мне в глаза. – Вы очень красивая женщина, Карин.

Берёт мою руку руку. Подносит к своим губам и целует. Мне ужасно неловко. Я вся подбираюсь.

– Только скажите, и я брошу к Вашим ногам всё!

Вот это неожиданность! Вот это да! Вот это новости! Я ошеломлена.

В ресторанном зале становится невыносимо душно.

– Пьер, пожалуйста, – осторожно высвобождаю свою руку из его ладони.

– У вас с Жильбером точно ничего не было? – заливаюсь пунцовой краской. Ну как сказать – не было. Он всего лишь предложил с ним перепихнуться, а потом приехал в Россию с требованием сделать ему минет. А так ничего серьёзного. Маленькие невинные шалости.

– О чём это Вы? – поправляю салфетку у себя на коленях.

– Карин, Вы мне давно нравитесь. Я от Вас без ума, – смотрит на меня с вожделением.

Дежавю. Внезапно мне становится смешно. Крупный акционер, ресторан, разговоры на амурные темы. Почему я

привлекаю такие ситуации? Что со мной не так?

– Карин, хотите поехать на Барбадос? Только Вы и я. И никаких дел. Целая неделя отпуска на Барбадосе.

– Пьер, не надо. Зачем Вы мне всё это говорите? – я не знаю, как отказать генеральному директору. – Пьер. Вы же семейный человек. Я не могу. Поймите, это неправильно, – пытаюсь воззвать к голосу разума.

– Нас с женой давно ничего не связывает. Мы друзья, соседи. Не более. Мы давно уже не делим постель. Карин! Не отказывайте мне вот так сразу. Подумайте. Я питаю к Вам самые нежные чувства. Ради Вас я готов на все. Карин. Вы не представляете, что это такое, когда вдруг начинаешь испытывать давно забытые чувства. Карин, возможно, я больше никогда не влюблюсь. Дайте мне шанс. Прошу Вас, Карин. Один единственный шанс доказать Вам всю серьезность моих намерений!

Как бы я хотела услышать эти слова от Пуавра. Но почему он не способен на такое? Почему у Пуавра всё сводится к койке и низменным инстинктам? Почему Пьер, к которому я испытываю исключительно дружеские чувства, так внимателен и осторожен. Почему Пьер? Почему?

Пьер смотрит на меня тоскливым взглядом. Мне жалко Пьера. Я не хочу его расстраивать. Он такой милый. Милый, милый Пьер.

– Хорошо, Пьер. Я подумаю. Но только не торопите меня, договорились?

– Я буду ждать столько, сколько потребуется. – О Пьер! Я настолько привыкла к цинизму, что Ваши слова мне кажутся монологом из какой-то театральной постановки.

– А почему Вы решили, что у меня с Жильбером что-то было? – меня не оставляет в покое вопрос Пьера.

– Просто он так о Вас говорит, – Пуавр говорит обо мне с Пьером? Внутри всё сжимается. Пуавр говорит обо мне! Неужели он вспоминает обо мне? Неужели?

Пьер провожает меня до дома. На прощание целомудренно целует в щёку.

Зная настойчивость Пьера, мне предстоит принять непростое решение. Как мужчина Драка мне не нравится, но с другой стороны, если он настроен серьёзно, то это весьма интересное предложение. Если у меня с ним всё получится, то я могу стать мадам Пьер Анри Драка. Женой очень состоятельного человека. Пьер – выгодная партия. Морщусь от своих мыслей. Я думаю о Пьере, как о выгодном контракте. Мне становится жалко Пьера. Ведь он влюблён, а я рассматриваю отношения с ним, как покупку дорого авто. Я отвратительна сама себе. Попахивает проституцией – моё тело в обмен на его деньги. Фу! Какая пошлость. Я уверена, что могу сама заработать себе на жизнь. Мне не нужны деньги Пьера. Или нужны? У Драка очень много денег. Очень. И это не дает мне спокойно заснуть. Ворочаюсь в постели. Пытаюсь представить себя с Пьером. Его тучное потное тело верхом на себе.

Его руки. Его поцелуи. Его член. От этих фантазий начинает подташнивать. Пьер не тот мужчина, с которым бы я хотела заняться сексом. А может... Нет, не может. Пьер влюблён, и он хочет получить от меня всё. А если наступить на горло собственной песне и просто терпеть? Как долго я смогу это делать? Как долго я смогу притворяться, что мне нравится его обрюзгшее тело? Смогу ли я вообще спать с ним? С Мишей же смогла. Хотя он мне никогда не нравился. Я у него отсосала. Причем два раза. Да, но я не собиралась строить с ним никаких отношений. К тому же всё, что я с ним вытворяла, было сделано в состоянии аффекта. Все мои сексуальные экзерсисы в тот период – результат глубокого душевного потрясения, вызванного моим унижением.

Глава 7. Иван. Дела рабочие

Все оставшиеся дни Пьер смотрит на меня с надеждой. Я не могу сказать Пьеру «да», но и отказать ему не могу. Я в растерянности. Я не знаю, что мне делать. Мы по-прежнему вместе обедаем и проводим много времени в офисе. Драка меня ни о чём не спрашивает. Он не торопит меня, я знаю: он ждёт моего вердикта. Я тяну время, надеясь найти хоть какой-то выход, но ничего вразумительного придумать не могу.

После признания чувствую себя неловко в присутствии Пьера. Что мне с этим делать? Он генеральный директор и основной акционер предприятия. Избежать общения с ним

не представляется возможным. Судьбоносного разговора не избежать.

Облегчённо вздыхаю, когда Драка наконец уезжает из Москвы. У меня есть небольшая передышка, но через месяц Драка вернётся, и мои душевные терзания начнутся заново. Начинаю задумываться, бывает ли иначе в отношениях между молодой особо приближённой сотрудницей и боссом? Чем больше думаю об этом, тем отчётливее понимаю, что у меня нет другого выхода. Я неизбежно становлюсь его любовницей. И Пьеру это известно. Он просто ждет, когда я созрею и упаду в его руки. Пьер слишком умён, он не станет меня торопить. Он подождёт, а когда ему это надоест, то чуть поднадавит, и я тут же раздвину перед ним ноги. Пьер уверен, что я не уволюсь. Да и я отлично это знаю. Я не могу уволиться с этой работы. Я привыкла к комфорту и достатку. Найти такую же работу мне, двадцатичетырёхлетней молодой женщине, будет непросто. Пьер это знает и ждет. Единственное, что я могу сделать – оттянуть время. На этом всё. Есть ещё небольшой шанс, что Драка переключится на кого-то другого. Но Пьер не такой. Пьер слишком основательный, слишком серьёзный. У Драка всё основательно. Драка крутой бизнесмен. Деловой человек. Если он чего-то хочет, то неминуемо получает. И от этого знания у меня внутри холодеет. Мне придется спать с Драка. Его предложение в ресторане вовсе не было таковым. Это приказ. Устное распоряжение с неустановленными сроками. Пока неустановлен-

ными. Но я должна буду его выполнить. Рано или поздно мне придётся это сделать.

Такие неутешительные выводы вгоняют меня в уныние. Я не хочу, чтобы моим по-настоящему первым мужчиной стал мсье Драка. Если у него всё так серьёзно, как он говорит, то в обозримом будущем я буду постоянно спать с толстым, старым, лысеющим мсье, пусть даже и за большие деньги. За очень большие деньги. На эти деньги я смогу купить всё, что только захочу. Я смогу не работать. Но что я буду делать? И не так много я хочу. Мне вполне хватает моей зарплаты, чтобы безболезненно реализовывать все свои желания. Ситуация кажется мне тупиковой. Я не хочу спать с жирным старым мужиком. Тем более становиться его любовницей. И мне наплевать, как нежно и трепетно он ко мне относится. Уж лучше Пуавр с его предложением потрахаться и разбежаться без взаимных упрёков и претензий. Чтобы не чувствовать себя заложницей чьих-то похотливых желаний.

Моё отношение к Пьеру начинает меняться не в лучшую сторону. Неужели в моём окружении нет ни одного нормального мужчины? Что за чёрт!

Слышу стук. Не успеваю ответить, как дверь широко распахивается и в кабинет заходит Иван.

– Карина, тут возникли сложности с поставщиком молочных продуктов. Вот посмотри, – подсовывает мне какие-то бумажки. Поднимаю глаза и внимательно изучаю своего ру-

ководителя сектора оптовых продаж. Иван старше меня на год. Высокий, стройный, подтянутый. Светлые волосы, светлые брови и ресницы. Голубые глаза. Ямочка на тяжелом подбородке. Почему я никогда не замечала у него эту ямочку? Смеётся.

– ...представляешь, все коровы разбежались... – хохочет. Кажется, я пропустила шутку.

Я нахожу Ивана очень привлекательным. Рассеянно улыбаюсь. В голову лезут совершенно не рабочие мысли.

Если уж мне предстоит спать с Драка, то пусть хотя бы он будет не первым. Может, Иван? Внимательно смотрю на Ивана. Он перехватывает мой взгляд. И тоже долго смотрит мне в глаза. Ухмыляется. Приподнимает одну бровь и прищуривается. От его взгляда внизу сладко сжимается.

– Ладно, я пойду. Попытаюсь договориться с этими ковбоями.

– Угу. Хорошо. Потом не забудь доложить, чем там у вас всё закончилось.

– Обязательно, – улыбается. Хмыкает и выходит из кабинета.

Делаю на кресле один оборот вокруг оси. Кажется, я ему нравлюсь. Я довольна своей находкой. Решаю завязать с Иваном неуставные отношения вопреки положениям корпоративного кодекса. Интересно, для кого вообще писался этот кодекс, если высшее руководство само грубо нарушает все прописанные в нем положения? Если Пуавр и Драка могут

его нарушать, то почему я должна следовать этой никчёмной бумажке?

Но как завязать эти неуставные отношения? Не могу же я сама предложить Ивану переспать со мной? И вообще, вдруг у него есть девушка? То, что Иван не женат, знаю наверняка. Я сама принимала его на работу и помогала оформить документы. Но ведь необязательно что-то говорить. Можно же намекнуть, показать свою заинтересованность. И совсем не обязательно ввязываться в интрижку. Как там говорил Пуавр? Просто секс? Маленькое эротическое приключение?

На следующий день вызываю Ивана к себе. Разговариваем о незадачливых поставщиках, у которых из-за безалаберности работников всё стадо разбрелось по лесам и полям, и теперь они не могут поставлять молочную продукцию в прежних объёмах, пока не соберут все стадо.

При каждом удобном случае стараюсь прикоснуться к Ивану, как бы нечаянно. То осторожно касаюсь его бедра коленом, то оглаживаю пальцы, когда беру из рук флешку. Смотрю. Кокетливо улыбаюсь. Кажется, у меня получается. Иван начинает дольше обычного задерживать на мне взгляд. Смотрит с томной поволокой. Закусывает нижнюю губу и ухмыляется.

Через три дня таких заигрываний решаюсь попросить его задержаться после работы, занести мне в кабинет месячный отчёт. Не спеша разбираем его отчёт. Я ёрзаю в кресле. Жду,

когда сотрудники разбредутся по домам.

К восьми вечера офис пустеет. Сквозь матовую стеклянную стену вижу, как гаснет свет в рабочей зоне. Двигаюсь ближе к Ивану. Кажется, он понял мой намёк. Приближается и целует меня. По телу пробегает ток. Молча целуемся, исследуя руками тела друг друга. Поцелуи становятся бесстыдными и жаркими. Наши языки переплетаются. Тискает мою грудь. Неловко пытается расстегнуть пуговицы на блузке. Помогаю. Отцепляет крючки бюстгалтера. Достает из чашечек мою грудь, начинает ласкать и теревить языком соски. Голова идет кругом. Запускаю руки ему в волосы, зарываюсь носом в светлую макушку.

Лезет руками под юбку и стягивает с меня колготки вместе с трусами. Разворачивает спиной к себе, наклоняет. Опираюсь руками о стол. Задирает юбку и отстраняется. Стою спиной, с оголённым задом. Чувствую приятное напряжение внизу живота. Слышу, как брякает пряжка его ремня. Поворачиваю к Ивану голову и смотрю. Расстёгивает ширинку. Брюки падают к щиколоткам. Приспускает трусы, обнажая крепкий член. В одной руке серебристый квадратик. Надрывает зубами. Достает презерватив и раскатывает по стволу. Слегка удивляюсь запасливости своего коллеги.

– Пожалуйста, только не резко, – молю я, опасаясь, что будет больно.

– Как скажешь, – нависает надо мной, приставляя кончик члена ко входу во влагалище. Начинает осторожно вводить.

К тому моменту я уже мокрая. Резко выдыхает. Двигается медленно. Мне приятно. Прикрываю глаза, чувствуя, как он заполняет меня изнутри. Вводит в меня до основания. Его тело потрясывает от наслаждения. Аккуратно вытаскивает, но не до конца, и снова вводит. У меня вырывается хриплый стон. Иван ахает и делает резкий толчок. Вздрагиваю от внезапного неприятного ощущения.

– Тихо, тихо, тихо... – шепчет Иван, пытаюсь удержать меня в начальном положении. – Сейчас... Не дергайся... А то так я быстро кончу...

Снова медленно вводит. Начинает осторожно двигаться внутри меня. Боль потихоньку отступает, сменяясь слегка саднящим, но приятным чувством. Иван продолжает, ухватившись за мои плечи. Вталкивается короткими быстрыми движениями, наращивая темп. Чувствую, как его пальцы с каждым разом все глубже впиваются в кожу. Начинаю постанывать, повинаясь ритму Ивана. Дышит шумно. Слышу шлепки его бёдер о свою задницу. Его дыхание учащается.

– Н-на... Н-на... Н-на... – цедит на пределе. Жёстко хватает за бёдра и натягивает на себя. Запрокинув голову, бурно кончает, на несколько мгновений застывая в напряжённой позе. Открывает глаза и вынимает из меня ещё не опавший член. Удивлённо смотрит.

– У тебя что, месячные? – глаза по полтиннику.

Разворачиваюсь к нему и смущённо улыбаюсь. Я не знаю, что ответить. Нервно покусываю губы. До Ивана начинает

доходит.

– Не понял. Ты... – в изумлении таращится на меня.

Я молча смотрю, продолжая по-идиотски грызть губу. И что теперь? Стою, не понимая, что теперь со всем этим делать? Неужели меня снова ждут мытарства? Как с Мишей?

Иван больше ничего не говорит. Одеваемся в полной тишине. Натягивает на себя брюки, поправляет одежду.

– Твой водитель уехал. Тебя подвезти? – первым нарушает напряжённое молчание.

– Да, – опускаю глаза в пол. Скромная наложница турецкого султана! Почему я такая? У меня опять начинаются муки совести. Мне ужасно неловко перед Иваном.

Всю дорогу до дома молчим. Я искоса поглядываю на Ивана, не переставая кусать губы.

– Отгрызёшь! – не отрывая взгляда от дороги, говорит Иван. Ухмыляется. Я улыбаюсь в ответ, градус напряжения немного спадает. Иван умеет разрядить обстановку.

На следующее утро еду в офис с опасениями. Боюсь повторения истории с Мишей. Может, зря я вчера трахалась с Иваном? Может, надо было поискать кого-то на стороне? Или плюнуть на всё и подарить себя старому обрюзгшему Пьеру? Мысль о Пьере немного успокаивает мои душевные метания. Всё-таки хорошо, что первым был Иван, а не Пьер. Только что теперь делать с Иваном? Если Драка узнает, мне

конец! Связь с Иваном выглядит, как пощёчина. Чёрт, почему я не могу покорно раздвинуть ноги перед боссом? Вечно я по своей глупости влипаю в дурацкие ситуации. Другая на моем месте, наверное, предпочла бы уволиться, не уронив себя в собственных глазах. Может, Пуавр прав и у меня абсолютно нет гордости? Я же настолько беспринципна и распушенная, что решила принять ухаживания босса, сделав перед этим такой вот финт ушами. Но мне так действительно легче. Так я хотя бы не чувствую себя загнанным в угол пушным зверьком. Секс с Иваном уравнивает моё положение с Пьером. Теперь что я, что Пьер выглядим одинаково неприятно с моей точки зрения. Мне стыдно перед Иваном. Я опять воспользовалась мужчиной, чтобы привести себя в состояние душевного равновесия. Теперь я каждый раз в неприятных ситуациях буду использовать мужчин? Вздыхаю. Меня не должны терзать муки совести. Мужчины сами вынуждают меня так поступать.

Мои опасения не оправдываются. Иван ведет себя как обычно. Кажется, между нами ничего не изменилось. Единственное – его взгляд. Он улыбается одними глазами, глядя на меня. Это замечаю только я?

Драка словно что-то почувствовал. Позвонил мне по скайпу в начале дня. Говорил о симпозиуме. Будут все руководители филиалов. Грандиозное мероприятие, к которому мне необходимо подготовить кучу отчетов и презентаций. Я впервые принимаю участие таком мероприятии, поэтому

Пьер решает помочь мне с подготовкой и приезжает в Москву. Я встречаю его у трапа самолёта. Идёт дождь. Со мной Иван. Ивану я доверяю. Я хочу поговорить с Пьером о его повышении.

Драка выходит. Мы с Иваном стоим под зонтом. Ждём, когда Пьер спустится по трапу. Драка спускается и подходит ко нам. Приобнимает меня за талию и целует в щеку.

– Карин, я скучал, – не отпускает, секунды три смотрит в глаза.

– Рада снова видеть Вас, Пьер, – улыбаюсь я. – Пойдёмте в машину.

Подхватываю его под руку и веду в сторону «Ситроена». Вскользь смотрю на Ивана. На лице брезгливая ухмылка. Идет следом за нами, укрывая меня и Драка зонтом. Мне неприятно, что Иван так на меня смотрит. Неужели он думает, что между мной и Драка что-то есть? Ну конечно, как же иначе! Ещё бы он так не думал. Начинаю понимать его отстранённое поведение. Иван всё видит. Он же не слепой. Все всё видят. Всем давно понятно, что Драка имеет на меня виды. Всем, кроме меня. Поражаюсь своей недогадливости. Для того чтобы мне стало ясно очевидное, Драка пришлось признаться. Боже, какая я дура!

Едем в офис. В салоне автомобиля чувствую себя неудобно. На переднем сиденье – мой нынешний любовник. Я сижу сзади, рядом с будущим. Всем очевидно, что я и Драка скоро окажемся в одной постели. От этих мыслей голова идёт кру-

гом. Ловлю на себе взгляд Ивана. Смотрит на меня и Драка в зеркало заднего вида. Пьер по-хозяйски кладет руку мне на плечо, так что я оказываюсь у него под мышкой. Иван отводит глаза и криво ухмыляется. Мне стыдно перед Иваном, но я ничего не могу сделать. Драка растопыренной пятернёй накрывает мое плечо. Незаметно прижимает меня к себе. Чёрт побери, Пьер! Вы же обещали не торопить меня!

Готовим мое выступление. Я, Драка и Иван. Пьер просматривает текст моего доклада. Иван на побегушках – переделывает презентации, носит отчеты, распечатывает черновики графиков. Пьер млеет от близости моего тела. Смотрит маслянистым взглядом. Невзначай касается меня – то спины, то колена, то руки. Раньше я не придавала этому значения. Сейчас каждое его прикосновение отзывается в теле дрожью. Иван старается не смотреть на это. Делает безучастное лицо. Но я вижу, что ему неловко находиться рядом со мной и Драка. Мне ужасно стыдно перед Иваном. Стыдно за наш секс, за Драка, за то, что Пьер хочет меня.

Когда в очередной раз остаемся с Пьером наедине, захожу разговор об Иване. Прошу у Драка разрешения сделать его моим заместителем. Пьер ничего не подозревает. Ему нравится Иван. Иван – исполнительный, высококвалифицированный, стрессоустойчивый сотрудник. Говорю, что хотела бы оставить Ивана исполняющим обязанности директора на время моего отъезда. Драка соглашается. Пьер готов сделать всё, о чем бы я не попросила.

Вызываю Ивана в кабинет и сообщаю ему о нашем с Драка решении. О моём решении.

– Спасибо, Карина Артуровна, за доверие! Я не подведу Вас! – Иван доволен своим назначением. Едва сдерживает улыбку.

– Попрошу как можно быстрее подготовить приказ о твоём назначении. Чтобы подписать его до отъезда! – я больше не чувствую угрызений совести. Мне больше не стыдно перед Иваном. Я всё сделала правильно. Иван заслужил своё повышение. Иван – старательный и исполнительный. Я могу на него положиться.

Отпускаю Ивана. Кажется, всё готово к моему выступлению на симпозиуме. Драка доволен результатом.

– Карин, – подходит ко мне. – Вы подумали над моим предложением?

Вскидываю брови. Закусываю губу и сосредоточенно сверлю Драка глазами.

Ах Пьер! Милый Пьер! Разве не ты мне обещал подождать? Так я и думала. Эта поездка. Ну конечно! Такой удобный случай. Какая я была дура, что приняла твои слова за чистую монету. Поездка на симпозиум в Канкун. Смотрю на него, прищурившись. Пьер, неужели? Неужели вся эта шумиха, этот симпозиум в тропическом раю только для того, чтобы затащить меня в койку? Интересно, сколько симпозиумов ты уже провёл в Мексике? Ах Пьер! Да ты шалун, как я посмотрю! Я уже не верю в серьёзность Пьера. Это всё

слова. Одни слова. Про жену, с которой больше не делит постель. Про нежные чувства. Про влюблённость, которая может больше никогда не повториться. Какая ложь! Восхитительная. Чудесная. Волшебная. Сладкая. Ложь!

Но мне льстит размах мероприятия, выдуманного Пьером ради того, чтобы раздвинуть мне ноги. Поистине царский размах. В щедрости Пьера я не сомневаюсь. Мои страдания будут вознаграждены. Я уверена в этом. Что ж, пропадать – так с музыкой! Перед поездкой иду в бутик нижнего белья и набираю маленьких кружевных трусиков, вызывающе прозрачных бюстгалтеров, шокирующе откровенных боди, чулок и купальников, больше похожих шнурки, чем на одежду.

На Юкатан летим вместе с Драка первым классом на огромном трансконтинентальном авиалайнере. У нас отдельный кабинет с видеопанелью и баром, забитым дорогой выпивкой. Драка развалился в кресле, как в шезлонге. Почти лежит. Его тело мелко потряхивает механизм автоматического массажёра. Вид расслабленный. Драка доволен. Я сижу рядом. Потягиваю прохладное шабли, глядя в иллюминатор. Что я хочу там разглядеть? Лететь еще десять часов. Жалею, что не захватила с собой книгу. Фильмы я смотреть не хочу.

– Карин, – берёт меня за руку. Поворачиваюсь к Драка. – Я рад, что ты согласилась. Я тебе очень благодарен.

– Ну что Вы, мсье Драка. Я не могу Вам ничего обещать. Даже не знаю, что у нас с Вами может получиться, – смущённо смотрю на него.

– Пьер, просто Пьер. Когда мы вдвоём. Для тебя я просто Пьер. Договорились?

– Договорились, Пьер.

Вздыхает, прикладывая мою руку к своей щеке.

– Карин, я буду стараться заслужить твоё расположение.

Я хочу завоевать твоё сердце.

Целует тыльную сторону ладони.

– Ты мне веришь, Карин?

– Да, мсье Дра... Прости – Пьер.

– Так-то лучше, – томно моргает. – Ты слишком напряжена. Хочешь, я помогу тебе включить массажёр?

– Нет, – трясущееся холодцом тело Драка вызывает во мне тошноту.

– Тогда ляг, поспи. Нам еще долго лететь.

Закрывает глаза. Смотрю на его лицо. Стараюсь представить себя с Драка, но не могу. Как оно сложится в Канкуне? Мне приятно принимать ухаживания Пьера, но я не представляю, что будет со мной, когда дело дойдёт до поцелуев, и уж тем более я не представляю, как буду заниматься с ним сексом. Меня сильно беспокоят предстоящие события. На секунду представляю – наш самолет терпит крушение. Обломки фюзеляжа падают в Атлантический океан и медленно погружаются на дно. Но самолет летит ровно. Мерный гул двигателей успокаивает. На тело наваливается приятная истома. Накрываюсь пледом и засыпаю.

Глава 8. Пьер. Мексиканские страсти

В Канкун прилетаем ранним утром. Смотрю в иллюминатор на лазурное море и изогнутый семеркой полуостров. Сверху вид фантастический.

Стоит только ступить на трап, и меня накрывает тёплая волна влажного тропического воздуха. Нас с Драка уже встречают. Садимся в длинный, белый, похожий на сытого аллигатора «Роллс-Ройс». Едем. Дорога в тропических зарослях. Сквозь пальмы и высокие заборы временами проглядывает морская синева. С интересом разглядываю кокосовые пальмы. Я ещё никогда в жизни не видела, как растут кокосы. Если быть до конца честной, то я ещё никогда не видела пальм, растущих на улице. Я впервые вижу море. Больше всего поражает то, что море я вижу как справа, так и слева от себя. Мы едем по тонкой линии суши, уходящей в Карибское море. Проезжаем мимо роскошных, сверкающих на солнце, монструозных отелей. Сворачиваем на узкую улочку. И останавливаемся возле невысокого белого забора. У ворот нас встречает молодой загорелый валет в ослепительно белой рубашке.

Драка выходит из машины и помогает выбраться мне. После прохладного кондиционированного салона авто воздух на улице кажется раскалённым.

– Пойдём, Карин, – ведёт меня внутрь.

Роскошная двухэтажная вилла с теннисным кортом, зелёной лужайкой, открытой террасой, двумя бассейнами, соб-

ственным пляжем и пирсом, возле которого покачиваются две белоснежные яхты. Меня селят в апартаментах на втором этаже. Громадная помпезная спальня с колоннами и ванной комнатой, посреди которой на постаменте возвышается джакузи.

Вилла кажется мне пустынной. Из постояльцев, кроме меня и Драка, здесь никого. Два часа отмокаю в джакузи. Надеваю платье из невесомой ткани на тоненьких бретелях-спагетти и иду на разведку. Спускаюсь в холл, прохожу мимо крытого бассейна на террасу. Солнечный свет слепит глаза. Выхожу на лужайку и иду в сторону укрытого пальмами пляжа. Туда, где призывно переливается бликами тропическая лазурь.

На пляже никого. Сажусь в шезлонг и, прищурив один глаз, смотрю вдаль. Морской пейзаж умиротворяет. Я готова так сидеть целую вечность, слушая, как с лёгким шелестом на берег накатывают волны, обдавая влажным свежим дыханием. Дыханием моря. Ласкового. Тёплого моря. Разваливаюсь на шезлонге, запрокинув руки за голову и вытянув ноги в тени широченных листьев склонившейся надо мной кокосовой пальмы. Закрываю глаза, всецело отдаваясь безмятежной неге. Не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, чувствуя на себе чей-то взгляд. Открываю глаза и вздрагиваю от неожиданности. Мсье Жильбер Пуавр бесстыдно разглядывает меня.

– Добрый вечер, мадемуазель Карин.

Резко сажусь, стряхивая остатки сна движением головы.

– Добрый вечер! Я, кажется, заснула, – моргаю, недовольно глядя на Пуавра. Откуда он здесь взялся? Вспоминаю, что я в Мексике на роскошной вилле вместе с Драка и... И Пуавром! Пуавром? Округляю глаза и таращусь на Пуавра. Жильбер криво ухмыляется.

– Вижу, что Вы не ожидали меня здесь увидеть. Впрочем, как и я. Думал отдохнуть пару дней в тишине от парижской суеты... Н-да, – садится на соседний шезлонг и вытягивает ноги. Смотрит вдаль.

Молчим. Я в шоке от такого соседства. Не знаю, что ему сказать. Молчание становится неловким. Наверное, мне стоит уйти. Хочу подняться с шезлонга.

– А Вы оказались куда более проворной, чем я думал, – брезгливо фыркает.

– Я не понимаю Вас, мсье Пуавр.

– Не понимаете? – приподнимет одну бровь. Снова фыркает. – Святая невинность!

Поворачивается ко мне.

– И давно Вы с ним спите?

– Что?! – выдыхаю я, хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

– Да как Вы... Да как Вам только... Да я...

– Не утруждайте себя, Карин. Мне не интересны ваши оправдания.

– Да я!.. Да вы!.. – вскакиваю с места. Внутри всё кипит.

Пуавр усмехается, на секунду прикрывая глаза. По его лицу расплывается отвратительная усмешка.

– Карин, Вы превосходная актриса. Bravo! Я Вам почти поверил! – хлопает в ладоши. Смеётся.

Гад! Как он смеет мне такое говорить! Да я... Я... Чёрт! А ведь он прав. Я действительно приехала в Канкун, чтобы переспать с Драка. Может, я с ним и не спала, но в ближайшее время это обязательно произойдёт. Вот чёрт! Чёрт! Чёрт! От этих мыслей ещё больше злюсь на Пуавра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.